П.349

Пионер

23-24

П 29
34

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 23-24

Декабрь 1934

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адрес ред.: ул. Горького, 8. Тел. 5-60-76.

СКАЗКИ ДРЕВНЕГО МИРА

Фирдоуси.

Перед вами номер журнала «Пионер», совсем непохожий на те, какие вы читали до сих пор: на обложке какой-то свирепый силач, убивающий льва дубиной, внутри журнала какие-то странные рассказы о всякой небывальщине: о великанах-людоедах, о птицах, которые несут яйца, величиной с купол московского планетария, о конях, скачущих по небу, о кентаврах—людях с лошадиными туловищами.

Зачем это? И кто написал эти сказки?

Написали их разные писатели, жившие в разные времена.

Поэт Фирдоуси, который написал «Рустема и Зораба», родился в Персии 1000 лет назад. Овидий, написавший в стихах легенду о Фаэтоне, жил около 2000 лет назад в Риме. Гомер, написавший «Илиаду» и «Одиссею», жил 5000 лет назад в Греции. Впрочем, некоторые ученые утверждают, что Гомера вовсе и не было. Об этом вы подробнее прочтете в предисловии к рассказу «Одиссея».

Войско Зораба.

Зачем же мы собрали в одном номере произведения этих древних писателей? Какая польза в их сказках? А польза ведь, наверное, есть, если их не только читают, но усердно изучают ученые всех стран. Поэты учатся по ним писать стихи. Изучая древних писателей, ученые узнают о жизни, обычаях, войнах и верованиях древних народов.

Гомер.

Но как же это в неправдоподобной сказке отражается настоящая жизнь народов? Возьмите русскую былину—и увидите, о чем мечтал народ. В древности, когда русский народ был порабощен татарами и татарские ханы нагайками выбивали с крестьян дань, крестьяне мечтали, как бы это найти управу на притеснителей, мечтали, чтобы родился такой богатырь, и уж он бы этих ханов татарских... рассчитался бы с ними по-своему: где махнет — там улица, где повернется — там переулочек.

Овидий.

А если посмотреть по сказкам течение научно-технической мысли, увидите, что направление давно уж дано было фантазией человека. Вот, например, телевизор: в одной арабской сказке рассказано, как человек купил в Самарканде на базаре трубочку, в которую на любом расстоянии видно и даже сквозь стены. А ковер-самолет — неплохой планер. Наметка всему видна в сказках. Поглядишь на эти сказки с вниманием и с толком — и по этим записям прочтешь ту правду, которую трудно было выразить историку ученым языком. И немудрено, что ученые внимательно исследуют эти сказания и видят в них историю человеческой культуры.

Эти сказки читаются — не оторвешься — это настоящие сокровища мировой литературы, которые надо знать каждому. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»,— говорил Ленин. Он сам любил и ценил и новую и древнюю литературу. Мы открываем перед вами несколько страниц из великой мировой литературы, созданной за много веков до нас.

ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

К рисунку на обложке

Геракл был любимым сказочным героем древнего мира. По древним сказаниям, Геракла ненавидела богиня Гера. Она отдала его в рабство царю Еврисфею. Еврисфей хотел погубить Геракла и посылал его на опасные подвиги. Эти подвиги в древности греки рисовали на вазах, которые сохранились до наших дней. Рисунки, изображенные на вазах, мы печатаем на обложке журнала.

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ

«Поди и убей немейского льва»,—приказал Еврисфей Гераклу. Геракл отправился в Немейскую долину к огромной пещере—логовищу льва. Он завалил вход в нее каменными глыбами и стал ждать. Вот показалось чудовище с косматой гривой. Тотчас три стрелы ударились прямо в грудь зверя, ударились и отлетели: стрелы Геракла не могли пробить крепкую шкуру. Как гром раздалось рычанье. Прыжок. Но палица героя обрушилась на голову чудовища, и лев грохнулся оземь.

(*Продолжение на последней странице обложки*)

П 29
34

Г.П.Б. в л
Ц 1805
Акт № 12

Ахилл и кентавр

В нашем журнале мы уже писали о том, как две тысячи лет назад в Италии было извержение вулкана Везувия. Облако пепла, похожее на развесистое дерево, поднялось над вулканом и закрыло все небо. Потоки расплавленной лавы потекли по склонам Везувия и залили три римских города, лежащих у его подножья: Помпею, Геркуланум и Стабию. Три города были залиты лавой и засыпаны пеплом. Раскопки, сделанные через многие сотни лет, раскрыли страшную картину гибели городов. Людей засыпало пеплом на улицах, в домах, в лавках и затем залило лавой. Современем трупы их истлели и пустоты, которые образовались в застывшей лаве, точно сохранили форму человеческих тел, их положение и даже складки их платья. Раскопки Помпеи обнаружили древний город таким, каким он был. Сохранились вывески и даже афиши о представлениях в цирке.

Вместе с этим пепел сохранил нам замечательные фрески, картины, написанные на стенах домов. Только по помпейским фрескам мы узнали, какая живопись была в древности, потому что ни одна картина древних до нас не дошла. Это было огромное открытие: мы увидели замечательную живопись— яркую и красивую. На стенах древние художники рисовали героев и богов, сцены из легенд и сказок того времени.

Перед вами одна из помпейских фресок. Это мальчик Ахилл—герой «Илиады» Гомера — и его учитель кентавр Хирон. Кентавр — это сказочное существо, получеловек-полуконь. Такое сказочное представление было у греков об одном из народов, населявших нынешнюю Украину. Это были всадники, не слезавшие с коней, и рассказы путешественников превратили их, людей, сросшихся с лошадьми, в человеко-коней — кентавров.

гомер

ОДИССЕЙ У ЦИКЛОПОВ

Семь греческих городов: Смирна, Родос, Колофан, Саламин, Хиос, Аргос и Афины—спорили из-за чести быть родиной Гомера. За три тысячи лет до нашего времени греческие певцы распевали песни о походе греков на Трою и о странствованиях Одиссея, героя Троянской войны.

Сочинителем этих знаменитых песен считали слепого певца Гомера.

Существовал ли Гомер на самом деле или, быть может, эти песни сочинили разные певцы в разное время, про разные войны и про разных героев и только современем об'единились они в две большие поэмы: «Илиаду» и «Одиссею», — этого и до сих пор не знают ученые Но три тысячи лет во всем культурном мире поэмы Гомера читали и изучали с детства. Да и теперь не найдется ни одного образованного человека ни в Европе, ни в Азии, ни в Америке, который не читал бы «Илиаду» и «Одиссею», хотя бы в отрывках или пересказе. Ученые изучают по этим поэмам жизнь древнего мира: верования и обычаи; общественный строй, войны и мирные занятия, домашнюю жизнь и путешествия.

В их содержании много невероятного и сказочного. Один из таких сказочных эпизодов, как Одиссей и его товарищи попали на остров циклопов—великанов-людоедов, мы рассказываем вам здесь. Рисунки на второй и четвертой страницах взяты с древних греческих ваз.

Рассказ Одиссея

Ты хочешь знать о плачевных скитаньях моих, но с чего мне начать и чем я закончу рассказ свой? Прежде всего я назову свое имя, чтобы вы знали, кто я. Я Одиссей, сын Лаэрта, властитель солнечной Итаки, где Нерион, всюду видимый с моря, под'емлет вершину, покрытую лесом. Много там есть и других островов, лежащих один возле другого: Зам и Дулихий, лесом богатый Закинф и на западе плоско лежит окруженная морем Итака. Почва ее камениста, но я не знаю страны, прекрасней Итаки.

Когда мы разрушили Трою — столицу Приама, на кораблях, нагруженных богатой добычей, мы поплыли на родину.

Вдруг Зевс, собирающий тучи, выслал на нас страшно ревущий северный ветер. Облака обложили море и землю. Сошла с грозного неба темная ночь. Мчались наши суда, погружаясь в волны носами.

Ветер пригнал нас в страну сильных, свирепых и не знающих правды циклопов. Живут они беззаботно, плугом землю не пашут, не сеют, а тучная земля щедро дает им и рожь, и ячмень, и роскошные кисти винограда. Нет у них ни правителей, ни народных собраний. Они вольно живут в темных пещерах иль на горных вершинах.

Есть островок там, рядом с землею циклопов, пустынный и дикий, лесом покрытый. Людей на острове нет. Там бродят одни тонконогие козы, которых еще никогда не тревожил ни зверолов, ни охотник.

Есть там надежная бухта, в которой так тихо, что не нужно бросать якорь тяжелый, ни канатом привязывать судно. В эту бухту мы и вошли с кораблями. Была темная ночь. Влажный туман окружал корабли. Густые тучи покрывали луну, и мы не видали ни острова, ни волн, широко бегущих на берег отлогий.

Но вот корабли наши в берег уткнулись носами. Свернули мы паруса, вышли на берег и заснули до утра. Утром с удивлением обошли мы остров пустынный. С гор спустились к нам козы. Мы тотчас же принесли с кораблей гибкие луки, охотничьи легкие копья и начали битву. Все двенадцать кораблей нагрузили мы тушами коз и весь день ели прекрасное мясо, запивая сладким вином. Тем временем солнце зашло, и все мы заснули под говор волн, бьющихся в берег.

На другой день, когда взошло солнце, я призвал своих товарищей и сказал им: «Все вы оставайтесь здесь, а я на своем корабле, со своими людьми отправлюсь на землю циклопов, мне хочется знать, что за народ там живет: дикий ли, свирепый, не знающий правды, или приветливый, гостеприимный и добрый».

Так я сказал и вошел на корабль. И люди мои следом за мною вошли, сели на лавки и разом могучими веслами вспенили темные воды.

В пещере Полифема

Скоро пристали мы к берегу и увидели у самого моря скалу и в ней большую пещеру, густо одетую лавром. Высокой стеной из огромных, грубо набросанных камней был двор обведен, и кругом частым забором стояли черноглавые дубы и сосны.

В этой пещере жил великан чудовищного роста. Одноглазый и страшный, он похож был на дикую вершину горы, покрытую лесом. Он пас баранов и коз, и был нелюдим он, свиреп, не знал ни закона, ни правды. Я приказал моим спутникам остаться на берегу сторожить корабли, а сам выбрал двенадцать надежных и самых отважных товарищей и пошел с ними в пещеру. Хозяина пещеры не было дома; он пас на лугу коз и баранов. Мы стали осматривать. В пещере было много сыров в тростниковых корзинах; в закутах заперты были козлята, барашки. Ведра и чаши до самых краев были полны густой простоквашей.

Спутники мои стали меня уговаривать не оставаться больше в этой страшной пещере, а, взявши сыры и отборных козлят из закута, сесть поскорей на корабль и в море уйти. Но я на беду свою отказался исполнить их мудрый совет. Мне хотелось видеть циклопа. Я думал, что он угостит нас и даст нам подарки.

Мы разложили огонь, принесли жертву богам и, насытившись сыром, остались в пещере, поджидая хозяина. Скоро пришел он с вязанкою дров, чтоб сварить себе ужин, и с грохотом бросил дрова у входа в пещеру. Об'ятые страхом, мы спрятались в угол. А он пригнал стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере, впустил в нее маток, а козлов и баранов на дворе у входа оставил. Потом поднял он камень, как скалу необ'ятную, и задвинул им вход. Сел он и маток начал доить. Подоив, под каждую матку подложил сосуна, потом слил молоко: половину в плетеницы, чтобы оно загустело для сыра, а остальное—в ведра и чаши, чтобы пить по утрам и за ужином. Наконец, развел он яркий огонь, увидел нас и грубо сказал: «Кто вы? Откуда приплыли? Дело ль какое у вас? Или без дела шляетесь взад и вперед по морям, как разбойники, рискуя жизнью своей и зло причиняя народам?»

Так он сказал. Голос гремящий и чудовищный вид его нас напугал еще больше. Но, оборясь, я сказал: «Все мы ахеяне и плывем от далекой Трои. Сюда же примчала нас буря: мы возвращались на родину и вот сбились с пути. Служили мы в войске Атрида, сына Атрея, царя Агамемнона, который разрушил великую Трою. А теперь мы припадаем к ногам твоим и умоляем приютить нас и дать нам подарки, какие даются обычно гостям на прощанье. Мы пришельцы, мы ищем приюта, а ты бойся богов. Кто не чтит законов гостеприимства и не дарит подарков гостям, того жестоко накажет бог-гостелюбец—Зевес».

Так я сказал. И вдруг с неописуемой злостью циклоп мне ответил: «Видно, что ты издалека или вовсе безумец, если думаешь, что я боюсь или чту бессмертных богов! Нам, циклопам, ненужны ваши боги. И не устрашай меня громовержцем Зевесом. Я поступлю с вами так, как мне вздумается. Но скажи: где корабль, на каком вы приплыли сюда?»

Я понял хитрость циклопа и ответил ему так же хитро: «Его уничтожил бог Посейдон. Он бросил его неподалеку от здешней земли, на камни отвесного мыса, и бурное море умчало обломки. А мы вот случайно спаслись».

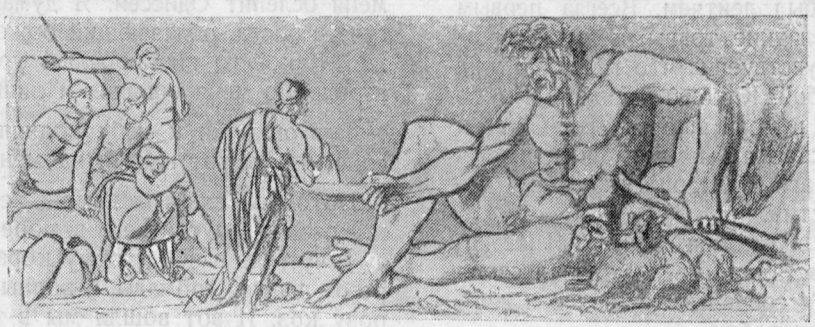
Так я сказал. Циклоп, ничего не ответив, вдруг прыгнул как бешеный зверь, и, вытянув страшные руки, двоих из нас разом схватил как щенят, и о земь ударил. Черепа их разбились. Он рассек их на части, состряпал ужин ужасный и жадно как лев, раз'яренный от голода, с'ел их вместе с костями. Страшную пищу запив молоком, людоед растянулся на голой земле, между коз и овец, и заснул.

Тут я к нему подошел, обнажив острый меч, чтоб вонзить его в тело циклопа, в самую печень. Я занес уже меч и вдруг вспомнил, что вместе с циклопом ведь и мы неизбежно погибнем. Ведь мы с нашими слабыми силами не сможем отвалить камень от входа.

И вот мы с трепетом стали ждать утра. Утро настало. Циклоп встал, огонь разложил, подоил своих коз и овец и опять двоих из нас с'ел. С'ев, он выгнал стадо из темной пещеры, отвалив мощной рукой камень от входа, снова закрыл им пещеру и со свистом погнал свое тучное стадо на пастбище, в горы.

Я же, оставшись в плену, стал придумывать средство, как бы ему отомстить. И вот что придумал: в козьей закуте стояла дубина циклопа. Он только что вырезал ее из маслины, счистил кору и поставил сохнуть в закуту. Дубина длиной, толщиной и весом была настоящей мачтой большого корабля, на каком возят товары. Я взял ее и мечом отрубил от нее кол, величиной в три локтя, заострил его и острый конец обжег на углях. Кол мы зарыли в навоз, что огромной кучей лежал в смрадной пещере циклопа.

Потом я приказал своим спутникам бросить жребий: кто из них мне поможет пронзить обожженным колом глаз людоеда. Жребий пал на четверых, самых надежных, которых и сам бы я выбрал, без всякого жребия.



— Еще мне налей,—сказал Полифем.

Вечером циклоп пригнал свое жирное стадо в цещеру, подоил своих коз и овец и опять двух из нас с'ел.

Тут я к нему подошел с чашей золотого вина и сказал: «Выпей, циклоп, запей человечье мясо вином, ты узнаешь, какой драгоценный напиток был у нас на корабле. Я хранил его для тебя в надежде, что ты будешь милостив к нам. А ты так жесток и свиреп! И кто теперь посетит тебя, услышав про твои злодеяния?»

Так говорил я. А он взял чашу и выпил, и крепкий напиток показался ему очень вкусным.

«Еще мне налей, — сказал он, — и назови свое имя, чтобы я мог тебе приготовить хороший подарок».

Я налил ему. Он выпил другую и третью чашу, и вот зашумело у него в голове. Я же сказал ему льстиво: «Циклоп, ты хочешь знать мое имя, чтобы угостить меня и дать мне хороший подарок, так знай же:

зовут меня Никто. Имя такое мне дали родители, так же величают меня и товарищи».

«Так слушай, друг мой Никто,—сказал циклоп,— ты будешь с'еден последним. Вот тебе мой подарок».

Тут повалился он навзничь, свесил могучую голову на бок и пьяный заснул. А мы достали кол, острием положили в огонь. Острие запылало. Четверо отважных товарищей обхватили кол и вонзили его острием в спящий глаз людоеда. А я кол начал вертеть, как вертит бурав корабельный мастер, когда сверлит толстую доску. Глаз зашипел, истлели ресницы, циклоп так дико завыл, что от воя застонала пещера. Кол из пронзенного глаза он сильной рукой отшвырнул и в исступлении начал сзывать других циклопов, которые жили в соседних пещерах. Отовсюду сбежались циклопы и столпились у входа в пещеру.

«Что случилось, Полифем? Чего ты нас будишь средь ночи? Или у тебя коз и баранов похитили? Иль тебе самому кто-нибудь смертью грозит? Скажи, кто?»

И Полифем диким, отчаянным ревом ответил: «Никто!»

«Никто? Так чего же ты ревешь? Болен ты что ли? Так это воля Зевеса: ее не избегнешь. Молись Посейдону, отцу своему, — он поможет».

Так сказали они и ушли. А во мне сердце смеялось, так я был рад, что хитро придуманным именем спас и себя и товарищей.

Бегство из пещеры

Охая, тяжко кряхтя, циклоп, обшарив стены руками, отвалил от пещеры скалу, сел у самого входа и растопырил огромные руки, надеясь поймать нас, когда мы пойдем из пещеры вместе со стадом. Свирепый глупец, он думал, что я, как он, без рассудка. Нет, я придумал хитрое средство, как избавить от гибели себя и товарищей. Из рогожи, служившей постелью циклопу, я выдернул лыко и связал им по три барана. Под средним бараном привязал я по одному из товарищей. А сам я выбрал самого большого, с волнистой шерстью, вцепился ему в мягкую спину и повис под брюхом барана.

Утром к выходу побежали козлы и бараны. Циклоп охая, щупал пышные спины бегущих мимо овец, но, глупец, он и не догадывался, кто таится под брюхом у них. Последним шел мой длинношерстный баран. Циклоп ощупал спину его и начал с ним разговаривать: «Ты ли это, мой любимец? Почему ты последним выходишь? Раньше ты не был лентяем. Всегда первым на луг выходил щипать сладкие травы, а ныне выходишь последним. Видно, чувствуешь, что глаз мой уже не может смотреть за тобой. Какой-то бродяга Никто лишил меня глаза. Но он в моей еще власти! О, если бы ты мог говорить, ты сказал бы мне, где спрятался этот ненавистный мне враг! Я бы раздробил ему череп и разорвал бы на части».

Так он сказал и барана пустил на свободу. Я же недалеко от входа первый встал на ноги, отвязал своих спутников и вместе с ними собрал всех козлов и жирных баранов и погнал к кораблю.

Погрузив на корабль козлов и баранов, я приказал тотчас же отчалить от берега. Люди мои сели на лавки и разом могучими веслами вспенили темные воды. Когда мы отплыли, я крикнул циклопу: «Слушай, беспощадный циклоп! Ты сожрал чужестранцев, посетивших твой дом, ты не чтишь законов гостеприимства, и за это тебя наказал гостелюбец Зевес».

Циклоп в бешенстве отломил от вершины горы тяжелый утес и с размаху метнул на мой голос. Утес пролетел над судном и рухнул в пучину так близко, что чуть не отбил нос корабля. Всколыхнулось море от павшей громады, большая волна хлынула к берегу. К берегу вместе с волной и корабль наш помчался. Но длинной жердью я уперся в берег песчаный и судно прочь отвалил, а товарищам молча кивнул головой, и они разом ударили в весла.

Отплыв подальше от берега, я опять стал бесить циклопа оскорбительной речью:

«Если, циклоп, тебя кто-нибудь спросит, кто тебе выколол твой единственный глаз, скажи: царь Одиссей, сын Лаэрта, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз».

Так я сказал. Циклоп заревел от злости и громко воскликнул: «Горе! Сбылось пророчество древнее! Был здесь когда-то один предсказатель, великий и мудрый. Он жил и состарился здесь. Он предсказал мне, что меня ослепит Одиссей. Я думал, что явится муж, могучего роста, обладающий божественной силой... И что же? Какой-то низкорослый урод, человечишка хилый вероломно меня опьянил и лишил меня зренья!»

Тут он руки к небу поднял и стал молить Посейдона, чтобы тот наслал на меня все несчастья и беды.

Потом он схватил камень, еще больше чем первый, и с размаху пустил его в море. Камень грянулся в воду и чуть не разбил корму корабля. Всколыхнулось море от павшей громады, и волны погнали корабль к острову коз. И вот вошли мы в ту пристань, где стояли наши суда и где спутники наши в печали и страхе ждали, когда мы вернемся. Выйдя на берег, мы поделили между собой коз и баранов циклопа, принесли жертву богам и целый день ели прекрасное мясо, запивая сладким вином.

Наутро мы отплыли от острова, сокрушаясь о мертвых и радуясь, что сами спаслися от смерти.

ФИРДОУСИ

ТРИ БОЯ

Великий персидский поэт Абдул-Касим Мансур был прозван в народе «райским»—Фирдоуси.

Рассказывает легенда, что когда Фирдоуси было уже 58 лет, его призвал арабский султан, владевший в те времена Персией, и сказал: «Напиши мне книгу в стихах о всех подвигах, войнах и деяниях персидских царей от самого древнего времени, и я заплачу тебе за каждый твой стих по золотому червонцу».

И вот Фирдоуси принялся за великий труд. Он сочинял «Шах-Намэ»—книгу о царях—12 лет. 70-летним стариком явился он к султану и принес поэму о царях, в которой было 60 000 стихов.

Когда Фирдоуси читал свою поэму, слушатели плакали от восхищения и восторга. Но султан был жаден.

«Выдать Фирдоуси из моей казны столько серебряных монет, сколько стихов в его поэме»,—приказал он своему визирю.

В гневе и обиде, оскорбленный Фирдоуси написал стихи, в которых изобразил бесчестный поступок султана, и бежал из его города.

Так рассказывает легенда. Много лет прошло с тех пор, и все позабыли султана. А великая поэма Фирдоуси «Шах-Намэ» переведена на все главные языки мира, и в этом году наш Советский союз праздновал 1000-летие со дня рождения великого персидского поэта.

Вот отрывки из поэмы «Шах-Намэ» (Рустем и Зораб) в переводе В. А. Жуковского, с рисунками из старинных персидских книг.

Рустем и Зораб

Однажды иранский[1] богатырь Рустем отправился на охоту на диких ослов. Убив несколько штук, он развел костер, насадил на большую ель как на вертел огромного осла, зажарил его, с'ел, прилег возле ручья и заснул. Пока он спал, туранцы арканом поймали его могучего коня Грома и увели. Проснувшись, Рустем бросился искать коня и по следам пришел к городу Семенгаму. Семенгамом правил царь, который переходил то на сторону туранцев, то на сторону иранцев, воевавших между собой. Рустем тайно женился на дочери царя Темине — тайно потому, что царь боялся, как бы Афразиаб, шах Турана[2], враг Ирана, узнав о том, что он отдал дочь за иранца, не разрушил Семенгам. На другой день Рустем ушел со своими дружинами воевать с туранцами. Прощаясь с Теминой, он снял с руки золотую повязку и отдал Темине, сказав: «Храни мой дар заветный! И если родится сын, пусть носит он, как я носил, мою повязку на руке. И знай, если он не прославится богатырскими подвигами, то он мне не сын. Бесславного я не хочу его ни знать, ни видеть».

Пора пришла — и у Темины
Родился сын, прекрасный
Как месяц. Радостно и горестно
его
Прижала к сердцу мать и со
слезами
Им любовалась: он был вылитый
Рустем.
Она его Зорабом назвала,
Его сама кормила грудью,
О нем и день и ночь пеклася.
И дивное созданье был Зораб:
Он родился с улыбкой на устах;
Ни от чего и никогда не плакал;
рос так чудно,
Что в первый месяц уже казался
годовым;
Трех лет скакал отважно на коне;
Шести лет был могуч как лев;
Когда ж ему двенадцать лет
свершилось,
Никто не мог с ним сладить;
ростом был
Он великан, и все блистало
В нем мужеством и красотою:
Глубокотемные глаза,
Румянец пламенный на свежих
Щеках, широкие плеча, крутая
грудь,
Железножилистые руки
И ноги крепкие как кедры.
Бороться ль кто с ним
покушался —
Его он вмиг сгибал в дугу;
На львиную ль охоту выходил —
Со львом он ладил как с лисицей;
Шатал ли дуб иль кедр —
В его руках они как хлыстья
гнулись;
Гнался ли за конем — его
Догнав, хватал за гриву,
И падал на колена конь.
Таков был в отроческих летах
Зораб, достойный сын Рустема.

Первый бой

Зораб решил прославиться великими подвигами: сначала завоевать Иран и подарить его Рустему, а потом завоевать Туран и сделать мать свою владычицей Турана. От старого витязя он получил могучего коня, который родился от коня Рустема, собрал дружины и пошел войной на Иран. Узнав об этом, Афразиаб — шах Турана — прислал Зорабу 12 тысяч отборного войска, но приказал военачальнику Баруману стравить как псов отца с сыном, потому что их обоих он считал своими злейшими врагами и обоих замышлял погубить. Однажды Зораб взошел на башню замка: перед ним расстилался лагерь иранцев. Он приказал привести к себе пленника Хеджира и, указывая на могучего воина, сидевшего у входа в шатер, спросил: «Кто это?» Хеджир знал, что это Рустем, но, желая отомстить Зорабу,

[1] В древности к иранцам принадлежали жители Персии, Мидии и провинций, которые назывались Арианой.

[2] Тураном в древности называлась югозападная часть советского Туркестана.

своему врагу, сказал, что это не Рустем, а кто, он не знает. Зораб, взбешенный ложью Хеджира, сел на коня и помчался в лагерь иранцев. Шах, перепугавшись, выслал против Зораба Рустема. И вот Рустем, не зная, что перед ним его сын Зораб, вступил с ним в поединок.

И начали богатыри с'езжаться,
И сблизились, и видели друг
друга
Уже в лицо. Зораб,
К отцу влекомый тайной силой,
С весельем руки потирая,
Воскликнул: «Здравствуй, старый
богатырь.
Какому я подобного и сонный
Не видывал! Моя завидна участь:
Я летами еще полуребенок,
А мне с таким обдержанным
в бою,
Железным воином досталось
Впервые силу испытать.
Велик твой рост, плечами ты
широк,
Но много взяли сил твоих
И годы и сраженья;
С моею молодостью крепкой,
Седой боец, твоя не сладит
старость».
На щеки розовые сына
Взглянув, Рустем сказал:
«Не горячись,
Прекрасный, огненный младенец;
Земля тверда, хотя и холодна,
А воздух тепел, но уступчив.
Я на своем веку немало
Полей сраженья перешел
И многим войскам, гордым силой,
Помог в сырую землю лечь;
Их много спит в ее глубоком лоне
Моей рукою погребенных;
Ты скоро сам то испытаешь,
Когда тебя с другими положу я
Убитого во глубь земли холодной.
Когда же паче ожиданья
Моей руки ты избежишь,
То уж тебе никто: ни человек,
Ни крокодил, ни лев не будут
страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мне жаль тебя, мне жаль такую
Младую душу из такого
Прекрасного исторгнуть тела;
Ты с Турком[1], пальма красоты,
Несходен; я подобного тебе
Не знаю и в самом Иране;
Мне жаль тебя». Такую речь
Приветнонежную услышав,
Зораб почувствовал, что в нем
Вся внутренность затрепетала.
И он сказал: «О добрый
старец мой,
Я об одном прошу тебя
смиренно:
Ответствуй мне по правде:
кто ты?
У наших праотцев благой
Обычай был перед сраженьем
Именовать... какой-то голос
Мне тайно говорит, что ты
Рустем, зеленого шатра
Владетель». Так сказал Зораб...
И так над ними близко
Неузнанное пролетело
Мгновение, которым гибель
Могла б в спасенье обратиться
И злоба в нежную любовь...
Но темный дух нашел тут на
Рустема;
Он отвечал: «Я не Рустем;
И знать тебе нет нужды
о Рустеме.

Битва иранцев с туранцами.

Я подданный, а он державный
князь;
Тебе ж не с ним считаться,
а со мною;
Я у тебя в долгу: вчера я, ведай,
Во время пира, в Белом Замке
Ночное совершил убийство».
При этом слове гневом вспыхнул
Как туча молнией Зораб,
И разом оба поскакали.
Зораб направо от Рустема,
Рустем направо от Зораба;
И, отскакав во весь опор
На выстрел из лука, оборотили
Коней; и быстро полетели
Друг против друга две грозы.
И начался меж сыном и отцом
Упорный бой. Сперва на всем
скаку
Они пустили копья, —
Со свистом пронизали
Они щиты, подставленные им,
И, пролетев сквозь них,
воткнулись в землю.
Тут обнаженными мечами
Они разить друг друга
принялися,—
Мечи, скрестяся на ударе,
Переломились разом оба;
Они, мечей обломки бросив,
Железные схватили булавы.
Так бились витязи, упорством
И силою один против другого
стоя.
Слетевшись на конях, они
Вцепились крепкими руками
Друг другу в кушаки. Рустем
Сидел на Громе как железный:
Что он ни схватывал рукою,
Сжималось в ней как мягкий воск;
Но он, схватив Зораба за кушак,
Был изумлен его сопротивленьем:
Как не колеблется утес,
Обвитый кольцами удава,
Так был Зораб неколебим,
Обхваченный Рустемовой рукою.
Но и Зораб напрасно мышцы
Напряг, чтоб пошатнуть Рустема:
Как не колеблется земля,
Обвитая струей воздушной,
Так был Рустем неколебим,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдруг, кушак отцов покинув,
Как бешеный Зораб впился
руками
В его серебряные кудри,
Рассыпанные по плечам,
В сраженьи выпав из-под шлема;
Он мнил, что вдруг сорвет его с
седла;
Но он на нем, как вылитый
из меди,
Не покачнувшись, усидел;
Один лишь клок серебряных
седин
В своих руках Зораб увидел;
Он задрожал при этом виде:
«Ты богатырь неодолимый
Под сединами старика! —
Воскликнул он. — Зачем, зачем
С моею молодостью сильной
Свою выводишь старость в бой?
О! сердце у меня в груди поворотилось,
Когда в моей руке остались
Твои седые волоса!
Мне показалось, что обидел
Богопреступною рукою
Я голову отца святую!
О! для чего же мы друг друга
Должны так яростно губить?
Ужель других здесь не найдется
Противников, чтоб успокоить
В нас жажду огненную боя?»
Так воин молодой сказал.
На то Рустем ответствовал: «Уж
день
Сменила ночь, — она покою
Принадлежит, а не сраженью.
Послушаемся ночи; завтра
Будь здесь, и я здесь буду;
Мы пешие, борьбою

---

[1] Турками В. А. Жуковский, переводчик Рустема и Зораба, неправильно называет жителей Турана.

И боем рукопашным дело
Начатое окончим; оба войска
Сражения свидетелями будут;
Увидим мы, которое из двух
Богатыря оплачет своего».

Второй бой

Когда сошлись соперники на месте,
Назначенном для поединка,
Две рати с двух сторон
Свидетелями боя
В порядке вышли боевом.
К сопернику приблизившись, Зораб
Его спросил приветно улыбнувшись:
«Покойно ль спал ты эту ночь,
И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старец многосильный.
Прекрасен этот день, таков ли будет
Прекрасен вечер, мы не знаем.
Но посмотри, как утро молодое
Вершины гор озолотило;
Цветы всем утренним вином
Напоены, и утренняя свежесть
На паству манит пастухов;
Невидимо под ветвями дерев
И видимо в лазури неба
Поют проснувшиеся птицы;
Ручьи сияя льются;
На солнце блещут берега;
Трава росой сверкает...
Приличен ли такой всемирный праздник
Кровавому убийству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще нам уступить? Послушай, друг,
Сойди с дракона своего
На этот свежий дерн; заключим
В виду обеих наших ратей
Здесь перемирие, забудем
На этот день и мщение и злобу,—
Пусть будет поле крови
Для нас палатой пировою.
Я знак подам — и перед нами
Вино заблещет в кубках,
И пир устроится роскошный,
И звонко заиграют струны,
И дружно мы отпразднуем с тобою
День возрождения прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Железный шлем ты снимешь с головы,
А я венком живых цветов украшу
Твои мне милые седины;
И, сидя за вином, мы будем
Беседовать радушно о войне,
О бранных подвигах, о всем, что знаю,
Я поделюсь с тобой от сердца;
А ты свою откроешь мне породу
И славное свое мне скажешь имя.

От старого витязя получил Зораб могучего коня.

О! не упорствуй, друг; скажи,
Скажи его, — мы не должны
Так чужды быть друг другу: нас
С тобой вчера побратовала битва».
Так с откровенностью младенца
Рустему говорил Зораб.
«Дитя мое, — сказал Рустем, — не для того
Сюда пришли мы, чтоб, роскошно
На луговом ковре покоясь,
Беседовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрок,
То я уж не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушак стянул я туго;
И здесь давно я жду, чтоб боевую
С тобой начать работу, чтоб нарвать
С тобой тех роз, какие только в нашем
Саду родятся. Свежесть утра
Для ратного благоприятна дела;
Она моим состарившимся членам
Живую крепость придает.
И так, пока не наступил
Палящий зной, начнем
Свой мужественный спор».
Зораб, воспламененный гневом,
Воскликнул: «Будь по-твоему, упрямый
Старик! Своей судьбы никто
Не избежит, и мы увидим скоро,
Кто здесь кого принесть ей в жертву должен».
На землю спрянул он с коня,
И громко зазвучало
Его оружие. Рустем
Сошел поспешно с Грома, тяжкий
Звук от меча его раздался,
И из ножен до половины
Он выпрыгнул. В молчаньи оба
К бежавшему вблизи потоку
Они пошли с конями. У воды
Росло там дерево; к нему
Они коней ретивых привязали:
И там Рустемов Гром
Оставлен был с конем Зораба.
Приветливо они друг друга
Обфыркали и, ознакомясь.
Между собой немую завели
Беседу. Как друзья давнишние, они
Подножную траву щипали вместе,
И головы протягивали дружно
К ручью за свежею водою,
И шеями друг друга обнимали,
Как будто угадав,
Какое близкое родство меж ними было.
А между тем отец и сын
На место боя грозно шли,
Друг другу смерть в душе готовя.
Они плотней стянули кушаки
И рукава до самых плеч
Могучих засучили,
Ужасно их наморщилися лица,
И загорелися глаза,
И, разом бросясь друг на друга,
Как разозлившиеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тела вдруг слились в одно,
Вокруг которого четыре
Железные руки как змеи,
В него вдавясь, переплетались.
Как будто сплавленные крепко,
Они друг друга, грудь на грудь,
Теснили, перли, гнули, жали —
Напрасно: камень и железо
Могли бы руки их расплюснуть,
Но пошатнуть не мог ни сына
Отец, ни сын отца. Дыханье
Спиралось в их груди; глаза их, кровью
Налитые, как уголья горели;
Их ноги были врыты в землю,
Но ни один не мог другого
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть с места.
Напрасны были их порывы,
Напрасны были их напоры,
Напрасно было их боренье:
Неодолим, неколебим
Остался каждый. Наконец,
Отбросив тщетную борьбу,
Они решились испытать,
Кому кого удастся
Поднять с земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разом отскочили
Отец и сын и, разом снова
Сбежавшися, как крючья руки
За кушаки засунули друг другу.
И вдруг Рустем тряхнул Зораба
Так сильно, что с земли
Взорвал его на воздух; как свинец
Всей тяжестью Зораб на грудь отца
Обрушился и повалил

Его на землю под себя.
Не зная сам, как мог он очутиться
На нем, его к земле он придавил
Коленом, выхватил кинжал
И был готов пронзить им грудь
Под ним лежавшего Рустема.
Рустем, увидя над собою
Железо, возопил: «Остановись,
Что хочешь делать? Если ты
Породой знаменит, не осрамляй
Ни самого себя, ни предков
Постыдным делом: меж суровых
Родяся Турков, ты не знаешь
Обычаев Ирана; знай же,
Что здесь никто, кому в борьбе
Соперника удастся одолеть,
Его не умерщвляет, но ему
Дает с собою испытать
В другой раз силу; если ж и тогда
Он победит, то властен он
И умертвить врага и дать ему
пощаду, —
Таков святой иранский наш обычай;
И стыд тому, кем будет он
нарушен!» —
Так говорил Рустем, прибегнув
(Чтоб от себя погибель отвратить)
К обману. «Я, — ответствовал
Зораб, —
Не слыхивал, чтоб где такой
обычэй
Водился; но, скажи мне, соблюдал
ли
Его Рустем?» На это возразил
Рустем: «Какое дело нам
До твоего Рустема? Если ж
Ты хочешь знать, то и Рустем
Обычаю Ирана был покорен».
При этом слове опустил
Зораб кинжал и руку подал
Лежачему, чтоб он с земли поднялся.

Третий бой

После боя Зораб поскакал к себе в лагерь. По дороге он увидел антилопу и беззаботно погнался за ней, не думая о том, что ему предстоит новый бой. А Рустем, оставшись один, вспомнил, что когда-то он был одарен такой силой, что она тяготила его самого, и он отдал половину своей силы на храненье горному духу, которого он встретил однажды ночью в пустынных горах.

Вспомнив об этом и чувствуя, что с половинной силой ему не одолеть Зораба, он сел на коня и поехал к горному духу. Горный дух уговаривал Рустема не брать свою силу, потому что она ему самому причинит великое бедствие, но Рустем не послушался и взял.

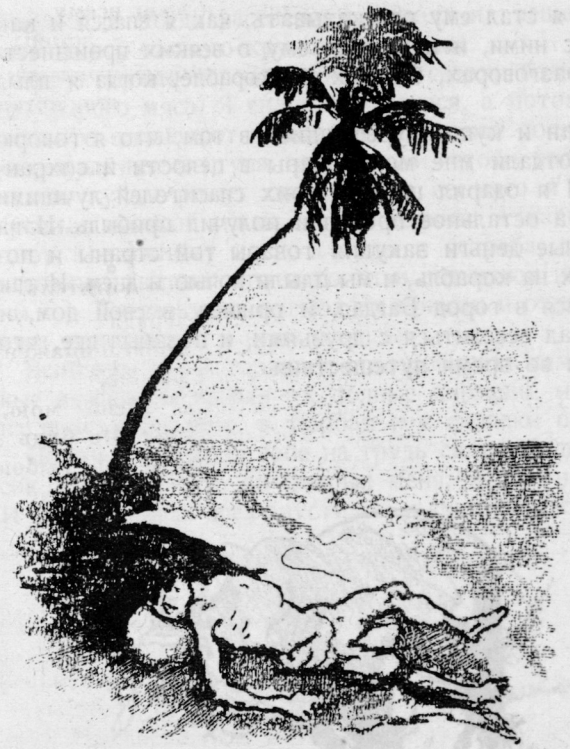
Зораб, с охоты
На место боя возвратясь,
В недоумении стоял и озирался:
Рустема не было. И он не знал,
Дождаться ли его иль удалиться.
А с неба день уж начинал
Сходить, и тени становились
Длиннее. Но... Зорабов час ударил, —
Зораб остался; он подумал:
«Соперник мой меня
Здесь долго утром ждал, —
Я вечером его дождаться должен.
А вечер вышел не таков,
Каким его нам утро обещало:
И солнце село, в небесах
Зарю кровавую оставя.
Но где же он?»... И в этот миг
На зареве заката отразился,

Рустем оплакивает Зораба

Как темный метеор огромный стан
Рустема;
Зораб невольно содрогнулся:
Как будто чародейной силой
Преображенный, чудно
Блистающий, помолоделый,
Представился очам его Рустем.
Он на него глядел в недоуменьи,
И, не посмев спросить, где он так
долго
Промедлил, шопотом сказал:
«Должны ли
Мы продолжать? До наступленья
ночи
Успеем ли?»... — «Успеем», —
перебил

Его слова Рустем сурово.
И вышли — яростный отец
На сына с силою двойною
И на отца оторопелый сын
С полуразрушенною силой.
Два воинства стояли там
Безмолвными свидетелями боя...

Они сошлись — и вмиг всему
конец;
Рустем рванул—Зораб упал к
его ногам;
Рустем давнул—и
в грудь Зораба
Глубоко врезался кинжал.
Зораб, смертельно пораженный,
Сказал: «О ты, неверный
обольститель!
Такая ль от тебя награда
За то, что ты был мною пощажен?
Ты небылицей о Рустеме,
Ты именем Рустема жизнь мою,
Как вор ночной украл. Но будь
Ты птицей в воздухе иль рыбою
в воде,
Не избежишь, хотя и в гробе
Лежать я буду, мщенья от
Рустема,
Когда раздастся всюду слух
(А он раздастся скоро),
Что здесь предательски зарезан
Тобою сын Рустема и Темины».
От этих слов затрепетал
Рустем, как будто вдруг ударом
грома
Пронзенный, с головы до ног.
«Что говоришь ты, сын беды? —
Воскликнул он.— Скорее отвечай:
Кто твой отец?» «Я сын Рустема
и Темины,—
С блеснувшей гордостью на бледном
Лице сказал Зораб. —
Отец мой — страж Ирана многославный,
А мать моя — краса и слава Семенгама,
И ею был сюда я послан
Отыскивать отца, столь много лет
С ней разлученного. Чтоб мог
Меня Рустем признать за сына,
Я должен был ему повязку, на
прощанье
Им данную Темине, показать;
И чтоб сберечь ее верней,
Не на руке, а на груди
Всегда носил я ту повязку;
Открой мне грудь — увидишь
сам»,—
Так говорил он, от страданья
Душа рвалася из Рустема.
Дрожа, как лист, одежду он
раскрыл...
И там (увидел он) сидел,
Как жаба черная на белых розах,
В груди кинжал, до рукояти
В нее вонзенный, как в ножны.
Его Рустем из раны вынул,
И быстро побежала с жизнью
Струя горячей крови;
И ярким пурпуром ее
Рустемова повязка облилась.
Он побледнел, ее увидя,
И глухо прошептал,
Как будто задушенный:
«Зораб, ты сын мой... я Рустем!»



Синдбад-мореход

Мы хотим познакомить вас с знаменитым героем арабских сказок—Синдбадом-мореходом.

Сейчас его приключения кажутся невероятной сказкой.

Но еще 600 лет назад Христофор Колумб, рисуя карты мира, помещал в Индийском океане и сказочный остров Сипанго и страны, где крылатые грифы со львиными головами стерегут золото. Над волнами океана он рисовал птицу Рокк, уносящую в своих когтях целый корабль, а в индийских городах изображал дворцы, на крышах которых вместо фонарей сияли исполинские алмазы.

Во времена Колумба владычество арабов на Средиземном море уже кончалось.

А тысячу с лишним лет назад арабы владели всеми странами вдоль Средиземного моря и вокруг Персидского залива—от Испании до Индии.

Вся торговля между Азией и Европой, между Востоком и Западом, была в руках арабов.

Смелые и предприимчивые люди, подобные Синдбаду, пускались в неведомые страны за драгоценной наживой. Они сталкивались с чернокожими и людоедскими племенами на берегах Восточной Африки и на далеких островах Восточной Индии. В тропических странах их поражали роскошная растительность и невиданные животные.

Рассказы этих людей, в которых правда перемешивалась с вымыслом, передавались из уст в уста и попадали в книги ученых географов.

А теперь от этих рассказов осталась только длинная чудесная сказка про Синдбада-морехода, которой зачитываются ребята всех стран.

МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ

Отец мой умер, когда я был маленьким мальчиком. Он оставил мне много денег. Когда я вырос, я стал пировать и наряжаться и водил дружбу с веселыми и беззаботными людьми, пока не растратил все свое богатство.

Тогда я опомнился, собрал свое последнее имущество и продал его, а на вырученные деньги купил товаров, сел на корабль и поплыл в дальние страны вместе с другими купцами. Мы плыли дни и ночи мимо разных земель, приставали в разных городах и продавали или выменивали товар на товар. И вот однажды мы приплыли к небольшому островку, зеленому и цветущему. Капитан приказал бросить якорь. Спустили сходни. Все мы сошли на зеленый берег. Одни мыли свою одежду, другие просто гуляли, а некоторые разложили костры и стали готовить себе обед.

Вдруг земля содрогнулась под нами, а капитан с корабля закричал во весь голос:

«Скорей, скорей, бросайте все, спасайте вашу жизнь! Несчастные, вы не на земле, а на спине морского чудовища. Огонь ваших костров обеспокоил его, и вот оно погружается в глубину моря!»

Все в ужасе ринулись к сходням, бросив котлы и корыта.

Но чудовище уже нырнуло в морскую глубину, и волны с шумом сомкнулись над несчастными, среди которых был и я.

Но Аллах велик, и он сохранил мне жизнь. Я увидел корыто возле себя, взобрался на него и поплыл, действуя ногами как веслами. Корабль наш распустил паруса и скрылся из глаз моих в морском тумане.

Волны играли со мной как со щепкой и носили меня день и ночь и еще один день и одну ночь.

И вот, наконец, корыто прибило к берегу. Ветви деревьев свешивались низко над водой, и с помощью их я вылез на землю. От утомленья я тотчас лишился чувств.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Жгучие лучи солнца, наконец, вернули мне сознание. Я поднялся, но идти не мог. Ноги мои распухли. На коленях дополз я до деревьев, на которых росли вкусные плоды, и утолил голод. Свежей водой из прозрачного ручейка я утолил жажду.

Так прожил я несколько дней, отдохнул и окреп. И, наконец, мне пришло спасенье: на тот остров пригоняли пастись кобылиц из царских конюшен. Увидев меня и узнав мою историю, конюхи взяли меня с собой и привели к своему царю. И царь той земли оказал мне милость, и сделал меня начальником морской гавани, и велел мне переписывать товары на всех прибывающих кораблях.

И вот раз приплыл большой корабль, на котором было много купцов. Когда спустили сходни и стали выносить товары, я стоял и записывал их. «Осталось

ли у тебя еще что на корабле?»—спросил я капитана.

«Да, господин, у меня остались в трюме товары одного купца, который утонул по пути. Мы хотим их продать, а деньги отвезти в город Багдад, откуда он был родом».

«Как звали того купца?»—спросил я, и он мне ответил: «Его звали Синдбад, и он утонул в море».

Я вгляделся в лицо капитана, узнал его и закричал: «Погляди на меня, ведь это я, Синдбад, которого ты считаешь утонувшим. Аллах спас меня от смерти».

Тогда капитан сказал: «Не осталось у людей ни чести, ни совести Ты хочешь завладеть имуществом человека, который на глазах у меня утонул».

Тогда я стал ему рассказывать, как я спасся и как я плыл с ними, и напомнил ему о всяких происшествиях и разговорах, бывших на корабле, когда я плыл с ними.

Капитан и купцы, убедившись в том, что я говорю правду, отдали мне мои товары в целости и сохранности. И я одарил царя и моих спасителей лучшими вещами, а остальное продал и получил прибыль. И на вырученные деньги закупил товары той страны и погрузил их на корабль, и мы плыли ночью и днем. И так я вернулся в город Багдад, и пришел в свой дом, и снова стал веселиться с друзьями, и позабыл все, что вытерпел во время путешествия.

ПТИЦА РОКК

Но вот снова пришло мне на ум поехать в чужие страны, и захотелось моей душе поглядеть на земли и острова, поторговать и заработать. Я увидел прекрасный новый корабль с парусами из красивой материи и сложил на него свои товары, и мы отправились в тот же день, и путешествие наше шло хорошо.

Однажды корабль наш пристал к прекрасному острову, где было много плодовых деревьев и множество птиц, а людей не было.

Я вышел со всеми погулять по цветущему острову и напиться свежей воды из быстрого потока. Я сел отдохнуть близ потока, закусил, и вдруг мне захотелось спать, и я крепко заснул. Когда я проснулся, ужас охватил мое сердце: корабля не было у берега, и на мой крик никто не откликнулся. Я был позабыт и брошен на этой неведомой и необитаемой земле.

Я плакал, и рыдал, и стал ходить по острову, и влез на высокое дерево, и смотрел во все стороны, но видел только небо и море, деревья да прибрежный песок. Вдруг что-то большое белое бросилось мне в глаза. Я слез с дерева и пошел посмотреть, что это такое.

Когда я приблизился, то увидел белый купол, уходящий ввысь и огромный в окружности. Когда я обошел вокруг него, то насчитал 50 шагов. На нем не было дверей, и я не мог влезть на него, потому что он был очень гладкий. А когда я стоял около него, вдруг потемнело и солнце скрылось. Я поднял голову и увидал птицу с огромным телом, которая летела и крыльями своими покрыла солнце как туча.

Тут вспомнились мне рассказы путешественников про птицу Рокк, которая кормит своих птенцов целыми слонами, и тут я понял, что белый купол—это верхушка огромного яйца, зарытого в песок. А птица уже опустилась на яйцо и обняла его крыльями, вытянула ноги позади яйца и тотчас заснула.

Когда я оправился от страха и поднялся на ноги, я развязал чалму, обвивавшую мою голову, она была длиной в 15 метров, свил ее как веревку и, опоясавшись ею, привязал себя к ноге спящей птицы и крепко затянул узел. Я был перед птицей как муравей, а моя широкая чалма была подобна травинке.

Когда пришло утро, птица снялась с яйца и, испустив великий крик, взвилась вверх, до самых облаков. Вот стала она спускаться и села на землю.

Тогда я быстро отвязал себя от ее ноги, а она и не почувствовала. Она схватила что-то в свои когти и взлетела вверх, и тогда я увидал, что в когтях ее билась громадная змея.

Я осмотрелся вокруг и увидел себя в долине, со всех сторон загороженной высокими отвесными горами, на которые человеку невозможно подняться.

Уж лучше бы мне остаться на острове!

Там были сладкие плоды и свежая вода, а здесь не было ни деревьев, ни травы, ни ручейка. Почва кругом была из алмаза, которым сверлят металлы и драгоценные камни и просверливают фарфор. А в глубине долины змеи и ехидны. Их тела были толсты как стволы пальм, и пасти их были так велики, что, казалось, они могли проглотить даже слона. Эти гады выползали только к ночи. Днем они боялись птицы Рокк.

В ужасе стал я искать, куда спрятаться на ночь, и увидал пещеру, но когда я вошел в нее и загородил вход камнем, то увидал, что огромная змея лежит в глубине ее на яйцах. Волосы зашевелились на голове моей и, притаившись за камнями, я провел всю ночь

без сна, а когда рассвело я выполз из пещеры, и у меня как у пьяного кружилась голова.

Вдруг прямо передо мной упал сверху большой кусок сырого мяса. Я сначала удивился, а потом вспомнил, что слышал от купцов об алмазной долине в горах, куда нет доступа человеку, и, чтобы достать алмазов, купцы режут овцу, рубят ее мясо и бросают куски с высокой скалы на дно долины. Алмазы прилипают к влажному мясу, а орлы и ястреба, спускаясь в долину, хватают его в когти и подымают на вершины гор. Тогда купцы пугают их криком и отдирают от мяса приставшие к нему алмазы.

Вспомнив эту историю, я стал собирать самые крупные алмазы, и набрал их полные карманы, и засунул за пазуху, за пояс, в тюрбан и в складки одежды.

Потом я привязал себе на грудь самый большой кусок мяса так, что он закрыл меня, и лег на спину. И вот огромный орел спустился, и схватил мясо своими когтями, и взлетел вверх, и летел, пока не достиг вершины горы. Там он опустил меня и хотел оторвать мясо своим клювом. Вдруг раздался громкий крик и стук. Орел встрепенулся и улетел, а я отвязал тем временем мясо от себя и вскочил, весь вымазанный кровью.

Купец, выскочивший из-за дерева, подошел к мясу, и стал осматривать его, и ничего не нашел на нем, и впал в отчаяние. Тогда я подошел к нему и вынул свои алмазы, они оказались очень крупны и прекрасны. Я разделил их поровну и отдал ему половину.

Тогда подошли другие купцы, и я рассказал им свое приключение, и мы пришли в город, где я сел на корабль и благополучно вернулся в город Багдад, привезя с собой множество драгоценных алмазов, и начал хорошо есть и пить и одеваться в красивые одежды и пировать со своими друзьями, и позабыл обо всем, что претерпел.

В ГОСТЯХ У ВЕЛИКАНА

Но вот захотелось моей душе попутешествовать и прогуляться, и я вновь закупил товаров, и выехал с ними в город Басру вновь закупил на большой корабль, и ехали мы из моря в море, от острова к острову, из города в город, продавали и покупали.

И вот раз мы плыли посреди ревущего моря. Вдруг капитан стал бить себя по лицу, рвал на себе одежду в отчаянии.

«Ветер осилил нас и согнал с пути, и судьба бросила нас к горе мохнатых»,—закричал он в ужасе.

И мы увидели, как со всех сторон плыли к кораблю обезьяны. Они были так многочисленны словно саранча. И мы боялись убить хоть одну, потому что тогда остальные растерзали бы нас. Ведь многочисленность сильнее доблести. Это были гадкие звери, волосы на них точно черный войлок, глаза у них желтые и черные лица. Они малы ростом, меньше метра. И обезьяны забрались на снасти, и порвали их зубами, и перегрызли все канаты на корабле, и корабль накренился от ветра, и его прибило к обезьяньей горе.

Тогда обезьяны вытащили всех нас на берег, а сами вскочили на корабль, и мы не знаем, куда они его увели.

И мы остались на острове. И когда пошли в глубь его, то вдруг увидели дворец с крепкими колоннами и высокими стенами. Ворота из черного дерева были открыты.

Мы вошли и увидели обширный двор со множеством дверей, а посредине стояла большая скамья, и подле нее огромные жаровни, и котлы, и множество костей.

Утомленные несчастьем, мы легли во дворе и заснули.

Вдруг земля задрожала, и раздался оглушительный гул, и огромный черный великан, подобный пальме, вышел из дворца.

Глаза его сверкали как горящие головни, клыки торчали изо рта как у кабана, а губы как губы верблюда свешивались на грудь. Уши как у слона свешивались к плечам, а когти на руках были подобны львиным. Мы лежали как мертвые от ужаса и горя.

А он опустился на скамью, но потом вдруг заметил нас и наклонился над нами.

Он схватил меня и стал меня щупать и вертеть. Он щупал меня как мясник ягненка и, решив, что я слишком худ, бросил меня и схватил другого. Так он пересмотрел нас всех, пока не дошел до капитана.

Капитан был толст и жирен. И вот великан схватил его, и ударил о землю, и переломил ему шею.

Потом насадил его на вертел, зажег сильный огонь и до тех пор ворочал над ним вертел, пока жаркое не поспело. Тогда он стал пожирать его как цыпленка, бросая обглоданные кости. Насытившись, он заснул на скамье, оглашая воздух ужасным храпом.

Тогда мы убежали и стали искать места, где укрыться, и мы не могли найти такого места.

И на другой день великан поймал одного из нас, зажарил и с'ел его.

И я сказал: «Братья, давайте сделаем плот. Лучше погибнуть в море, чем подвергаться такой страшной участи».

И мы стали таскать бревна от дворца, скрепили плот и привязали его к берегу.

Но вечер уже наступил. Пришел великан и выбрал одного из нас себе на ужин. И вот он заснул, и храп его был подобен грому.

Тогда мы взяли два железных вертела и с трудом положили их прямо в огонь.

А когда их концы раскалились докрасна, мы подтащили их к спящему людоеду и со всей силой воткнули их ему в глаза.

Он закричал великим криком, вскочил и ощупью бросился к воротам, а когда вернулся, то с ним была великанша, еще более ужасная чем он.

Мы спешили отвязать свой плот и оттолкнуться в море.

У великанов в руках были громадные обломки скалы, и они бросали их в наш плот, и большинство из нас было убито. Уцелели в живых только я да еще двое из моих товарищей.

Не знаю, на какой берег нас выбросило, где заснули мы сном потерявших надежду на спасение.

Утром дракон исполинских размеров схватил одного из моих товарищей, как удав хватает кролика, и стал медленно заглатывать его, и мы слышали треск ломающихся его ребер.

В отчаянии ходили мы по острову целый день в поисках, где бы укрыться. Наконец, к вечеру взобрались на высокое ветвистое дерево и укрылись на его верхушке.

Когда же стемнело, явился дракон и, увидев нас, стал обвиваться вокруг ствола, и я слышал, как он схватил моего товарища, и слышал треск костей.

Подобно мертвому от ужаса сидел я неподвижно всю ночь, а утром сполз с дерева и стал собирать большие обломки деревьев.

Один обломок я привязал к ногам, другой на живот, а третий себе на голову и по бокам привязал по большому и длинному обломку, и так я оказался как бы в деревянной клетке и так лежал до ночи, а ночью, когда дракон хотел проглотить меня, клетка моя помешала ему. Он всю ночь бился со мной, а не мог ничего поделать и уполз, бросив меня полумертвого. И так лежал я на берегу, когда увидел вдали корабль. Я схватил большую ветку и стал махать ею и кричать. И они заметили меня, и пристали, и взяли меня к себе на корабль.

Они одели меня в свои одежды, напоили и накормили меня, и тут я узнал, что это был тот самый корабль, который когда-то позабыл меня спящего на острове.

И капитан вручил мне деньги, вырученные за продажу моих товаров, и я благополучно вернулся в Басру, а оттуда в Багдад, в свой родной дом.

■ ■ ■

Сказка про Емелю-дурака

«По щучьему велению, по моему прошению», или «Емеля-дурак»,—любимая сказка ребят.

Ее любят за то, что она смешная. Смешно, как ленивый дурачок стал сильнее и могучее царя. Тут и насмешка над царями, тут и сочувствие к гонимому и забитому дурачку. У всех народов существуют сказки, в которых всеми презираемый и гонимый дурачок побеждает царя или короля и достигает счастья, а что могло считаться счастьем в далекую старину для темных людей? Царское житье.

Кто сочинил эти сказки? Неизвестно.

Дедушки и бабушки рассказывают внучатам те сказки, которые они в детстве слышали от своих дедушек и бабушек.

А когда внучата состарятся и станут дедушками, они начинают рассказывать те же сказки своим внучатам. Так и идет. Кто присочинит что-нибудь от себя, а кто совсем переиначит сказку на свой лад. И вот сказки переходят от поколения к поколению. Лет 70 назад собиратель народных сказок Афанасьев собрал целых пять больших томов русских сказок. После него еще очень много сказок записали другие собиратели.

В одной деревне жили-были три брата: двое умных, а третий, Емеля, дурак.

Отец, помирая, оставил им денег по сто рублей.

Вот емелины братья говорят дураку:

— Послушай, Емеля, мы поедем в город торговать, дай нам и твои сто рублей, мы тебе привезем подарков: красный кафтан, красную шапку и красные сапоги. А ты дома сиди, нашим женам в хозяйстве помогай.

— Ладно,— говорит Емеля.

Братья уехали, а Емеля остался дома с невестками.

Дело было зимой. На дворе мороз. Невесткам по воду идти к проруби не хочется. Они и говорят:

— Емеля, ты на печи лежишь, ничего не делаешь, сходи-ка за водой.

— Да я ленюсь.

— Ну, вот мы скажем мужьям, чтобы они

Со старинной народной картинки.

Дорога через город идет, а в городе уже заставу приготовили.

тебе подарков не давали. Не будет у тебя красного кафтана, да красной шапки, да красных сапог.

Нечего делать, слез Емеля с печи, взял ведра и пошел к проруби, на реку.

Только зачерпнул, смотрит, а в проруби плавает большая щука.

Он изловчился да и схватил ее. Тут взмолилась щука человеческим голосом:

— Отпусти ты меня в воду! Я тебя поблагодарю.

— А что ты мне дашь?

— Чего ты ни пожелаешь, то и сбудется. Только скажи: «По моему прошению, по щучьему велению».

— Ладно!

И пустил Емеля щуку обратно в воду. А ведра полны, а берег высокий, дорога скользкая.

— «По моему прошению, по щучьему велению» ступайте, ведра, сами домой.

Не успел Емеля проговорить, а ведра с коромыслом уже сами на гору идут и прямо к избе.

Пришли домой. Ведра—на лавку, Емеля—на печь.

Залег Емеля на печи. А у невесток дрова все вышли—топить нечем.

— Ты бы, Емеля, порубил дров-то!

— Да я ленюсь.

— Ну, так и не будет тебе красного кафтана.

Хотел было Емеля с печи лезть, да вдруг и вспомнил:

— «По моему прошению, по щучьему велению» поди, топор, дрова рубить.

Сорвался топор с лавки, да за дверь, да как начал на дворе дрова рубить, только щепки летят. Все дрова изрубил.

Прошло некоторое время, дрова невестки пожгли.

— Ты бы, Емеля, с'ездил в лес за дровами.

— Да я ленюсь.

— Ну так и не будет тебе красного кафтана.

Тут Емеля с печи слез, полушубок надел, топор да веревку захватил, во двор вышел, сани за оглобли вытащил к воротам и кричит:

— Отворяйте ворота!

— Что же ты, Емеля, лошадь-то не запряг?

А Емеля как крикнет:

— «По моему прошению, по щучьему велению» катитесь, сани, в лес!

Сани и покатились, да так шибко, пара лошадей так не погонит.

А дорога через город шла.

Мчатся сани по городу, люди сторониться не успевают — кого с ног сшибают, а кого и насмерть давят.

А догнать и остановить Емелю никто не может.

Примчался Емеля к лесу, остановились сани, выскочил Емеля да и говорит:

— «По моему прошению, по щучьему велению», топор, руби деревья на дрова, а дрова сами на воз складывайтесь.

Только вымолвил—и пошла работа: топор дров нарубил, поленья на воз уложились и веревкой обвязались.

Выбрал себе Емеля из сучков дубинку покрепче, сел на воз да как крикнет:

— «По моему прошению, по щучьему велению» ступайте, сани, домой сами!

Полетели сани, дорога через город идет, а в городе уже заставу приготовили, стащили Емелю с воза, едва он дубинку успел схватить. Его тащат, а он дубине шопотом:

— «По моему прошению, по щучьему велению» задай-ка им хорошенько!

Дубинка как вырвалась у него из рук, да как пошла гулять по человечьим спинам, как бросился весь народ врассыпную!

Емеля освободился, на воз вскочил и покатил домой.

Привез дров, а сам прямо на печь.

А в городе между тем разговоры пошли про Емелю и дошли до самого царя. Захотел царь Емелю увидать и послал в емелину деревню офицера с отрядом солдат.

Офицер в избу пришел.

— Где Емеля?

А Емеля на печи лежит.

— Тебе чего?

— Собирайся к царю ехать.

— А что мне там делать?

Офицер рассердился да и ударил Емелю за дерзость.

— Ну-ка, дубинка, «по моему прошению, по щучьему велению» угости царского посла!

Дубинка как принялась ходить по офицерской спине, едва тот из избы выскочил.

Тогда царь поумнее гонца прислал. Гонец не к Емеле сперва пошел, а к невесткам:

— Что у вас Емеля любит?

— Любит он у нас красный кафтан, красную шапку да красные сапоги.

Пришел гонец к Емеле:

— Поедем, Емеля, к царю!

— Мне и тут тепло!

— А тебе царь подарит красный кафтан, красную шапку и красные сапоги.

— Ладно! Поезжай вперед, а я за тобой.

Гонец поскакал вперед, а Емеля:

— Ну-ка, «по моему прошению, по щучьему велению» вези меня, печь в город!

И тотчас пошла печь из избы вон. А как вышла со двора, да так помчалась, что и догнать нельзя. Царский гонец далеко позади на своем коне остался. А Емеля на печи прямо к царскому дворцу подкатил.

Видит, царская дочь в окошко смотрит. Такая красавица!

— «По моему прошению, по щучьему велению» пусть царская дочь меня, дурака, полюбит!

Только промолвил, а царская дочь уж к отцу—к царю—прибежала:

— Очень мне Емеля понравился, хочу за него замуж.

Царь на нее рассердился, а на Емелю еще пуще.

Велел он Емелю угостить и допьяна его напоить. Напоили Емелю, а он и заснул. Тогда его схватили и вместе с царской дочерью посадили в большую бочку с железными обручами. Бочку засмолили и кинули в океан-море. Плывет бочка по морю, на волнах покачивается, Емеля спит крепким сном, а царевна горько плачет. Будила, будила она Емелю, наконец, разбудила:

— Где я?

— В бочке.

— А ты кто?

— Я царевна. Сделай милость, придумай, как нам спастись.

— А я ленюсь!

Тут стала его царевна упрашивать и уговорила.

— «По моему прошению, по щучьему велению» выкинься, бочка, на сухое место, а сама распадись на мелкие клепки!

Только промолвил—выбросило бочку на берег, и рассыпалась она на мелкие клепки.

На берегу трава зеленая и деревья разные.

— А где мы, Емеля, жить будем? Сделай какой-нибудь домик.

— Я ленюсь!

Тут царевна начала его упрашивать:

— Негде мне и от дождя укрыться!

Тогда Емеля проговорил:

— «По моему прошению, по щучьему велению» будь среди этого места дворец лучше царского!

И только успел он выговорить, как появился преогромный дворец. И стал Емеля в том дворце жить да поживать.

■ ■ ■

Гибель Фаэтона

По Овидию. Рисунки из книги XVIII столетия

Самым культурным народом древности были греки. Они занимались земледелием, скотоводством, вели торговлю на своих кораблях, но многих вещей, известных теперь всякому школьнику, греки не знали.

Они не знали, например. что земля движется вокруг солнца, не знали, что она вращается вокруг своей оси. Как же они об'ясняли смену дня и ночи, движение солнца, луны и звезд?

«Медленно едет по небу в своей колеснице, запряженной черными конями, богиня Ночь. Своим темным покрывалом закрыла она всю землю. Вокруг ее колесницы толпятся звезды — сыновья богини Заги.

Вот легкое зарево показалось на востоке—это выехала на своей колеснице богиня Луна в длинной белой одежде с серебряным серпом на голове. Она освещает спящую землю, заливая все серебристым сиянием. Медленно везут по черному небу ее колесницу круторогие быки. Об'ехав небесный свод, богиня Луна опускается в глубокую пещеру у берега моря. Там отдыхает она, утомленная длинной дорогой.

Вот румяная заря открывает небесные ворота. В сиянии лучей выезжает Гелиос — бог Солнца. Четверка крылатых коней, управляемая его сильной рукой, с трудом взбирается по крутой небесной дороге. Чем выше поднимается Гелиос, тем светлее и теплее становится на земле. Наконец, достигнув вершины неба, Гелиос направляет свою колесницу вниз и спускается к океану, обтекающему землю. Там ждет его золотой челн, и Гелиос плывет в свой чудесный дворец. И там отдыхает всю ночь».

Так об'ясняли древние греки смену дня и ночи.

Но, может быть, когда-то давно было солнечное затмение. может быть, дым лесных пожаров, может быть, сильный туман скрыл солнце от людей, и напуганные люди создали такую сказку.

Много, много веков до нас жил в прекрасной Греции мальчик по имени Фаэтон. С раннего детства слышал он от матери, что отцом его был Гелиос — бог Солнца.

Однажды один из товарищей Фаэтона, насмехаясь над ним, сказал:

— Не верю я, что ты сын Лучезарного бога, ты сын простого смертного.

Фаэтон обиделся, краска стыда залила его лицо. Он побежал к матери и со слезами жаловался на оскорбление. Но мать его, поднявши руки к солнцу, воскликнула:

— Фаэтон! Клянусь тебе Гелиосом, который нас видит и слышит, что он твой отец! Пусть лишит он меня своего света, если я говорю неправду.

— А все-таки я пойду к нему и спрошу его самого, правда ли это? — сказал Фаэтон.

Мать отговаривала, но Фаэтон не послушался.

Он подтянул сандалии и пошел.

У моря встретили его дочери Океана. Океаниды посадили его на резвого дельфина и приказали крепко держаться. Жутко стало Фаэтону, когда дельфин, словно играя с волнами, быстро понес его на спине. Дельфин то прыгал по гребням волн, и

тогда Фаэтон вдыхал полной грудью влажный морской воздух, то нырял, и Фаэтон погружался вместе с ним в воду.

Но вот морской путь кончился, и Фаэтон почувствовал под ногами твердую землю.

Прямо перед ним поднималась лестница. Она искрилась и переливалась всеми цветами радуги и казалась то молочнобелой, то прозрачной как хрусталь.

Фаэтон смело и быстро стал подниматься. Скоро он увидел дворец бога Солнца. Золотой купол дворца покоился на стройных колоннах, украшенных драгоценными камнями. У Фаэтона захватило дух, и он невольно замедлил шаги. Тихо вошел он во дворец.

У входа, словно на страже, стояли День, Месяц, Год, Века и между ними Часы.

Мальчик смотрел и не мог надивиться.

Вот прекрасная женщина Весна протягивает ему прекрасные цветы; вот Лето, в легкой одежде, с колосьями в руках; дальше — Осень выжимает сок из винограда в золотую чашу, Зима стоит во льду, с растрепанными седыми волосами.

Вдруг из глубины дворца раздался голос, и мальчик невольно закрыл глаза: такое ослепительное сияние шло от трона, на котором сидел Гелиос:

— Фаэтон! Что ищешь ты в моем дворце?

Фаэтон открыл глаза и бросился к отцу:

— Правда ли, что я твой сын?

— Но я и не думал от тебя отрекаться, дитя мое! — ласково сказал Гелиос.

— О, свет мира! Дай мне доказательство, что ты действительно мой отец.

Тогда Гелиос снял лучезарный венец со своей головы и подозвал к себе Фаэтона. Он обнял его и сказал:

— Правду сказала тебе мать твоя: ты мой сын, и, чтобы ты не сомневался более, что хочешь проси у меня. Я клянусь тебе великой клятвой, что исполню твою просьбу.

— Позволь и мне поехать по небу вместо тебя в твоей золотой колеснице.

Гелиос пришел в ужас:

— Безумный, что ты просишь! О, если бы я мог нарушить мою клятву! Сын мой, не проси только этого! Даже бессмертные боги не в силах управлять моей колесницей. Подумай только: вначале дорога так крута, что даже крылатые кони едва взбираются по ней. Посредине она идет так высоко над землей, что даже мне делается страшно, когда я смотрю вниз на моря и горы. В конце же дорога так стремительно опускается к берегам Океана, что без опытного управления колесница полетит стремглав и разобьется. Ты думаешь встретить в пути много прекрасного? Нет, путь лежит среди опасностей, чудовищ и ужасов. Узок он. И если ты уклонишься в сторону, тебе грозят там яростный Лев, чудовищный Скорпион и страшный Рак. Не хочу я быть причиной твоей гибели. Ведь ты просишь не награду, а страшное наказание!

Но Фаэтон ничего не хотел слушать; обняв руками шею Гелиоса, он просил исполнить его желание.

— Хорошо, я поклялся! Ты получишь, что просишь!

И Гелиос повел Фаэтона туда, где стояла его колесница. Фаэтон залюбовался ею: она была вся золотая и сверкала разноцветными каменьями.

Вот запрягли в колесницу крылатых коней. Румяная Заря открывала ворота. Гелиос натер лицо Фаэтона священной мазью, чтобы не опалило его пламя солнечных лучей, и возложил ему на голову сверкающий венец. Он дает сыну последний совет:

— Сын мой, хорошенько запомни мои наставления. Держи крепче вожжи, но не трогай бича, не гони быстроногих коней. Они сами так мчатся, что даже мне трудно сдерживать их. Дорога пряма, ясно видна колея, идущая по небу. Не подымайся слишком высоко, чтобы не загорелось небо, но и не спускайся низко, не то ты спалишь землю. Не уклоняйся ни вправо, ни влево. Держись середины. Держи крепче вожжи. А, может быть, ты еще изменишь свое решение? Ведь оно грозит тебе гибелью.

Но Фаэтон быстро вскочил на колесницу и взял вожжи. Кони бьют копытами. Пламя пышет у них из ноздрей. Легко подхватывают они колесницу и сквозь туман быстро несутся вперед, по крутой дороге, в небо. Непривычно легка для коней колесница. Они мчатся по небу, оставляют обычный путь Гелиоса и несутся уже без дороги. А Фаэтон не знает, где же дорога, не в силах он править конями. Взглянул он на землю и побледнел от страха, так далеко под ним была земля. Колени его задрожали, в глазах потемнело. Что делать? А впереди еще длинный путь. Он хочет крикнуть коням, успокоить их, но он не знает их имен. Со всех сторон ему угрожают страшные небесные звери.

Вот Скорпион тянется к нему ядовитым жалом. Обезумев от страха, Фаэтон выпустил вожжи. Кони, почуяв свободу, то взвиваются к звездам, то, опустившись, несутся над самой землей. Луна с изумлением глядит, как мчатся по небу кони ее брата, без дороги, никем не управляемые. Пламя охватывает землю. Гибнут города, гибнут целые народы. Горят горы, покрытые лесом. Дым заволакивает все кругом. В густом дыму не видит Фаэтон дороги. Вода в реках и ручьях закипает. Земля трескается от жары. Моря пересыхают, и рыбы страдают от зноя.

В то время, полагают люди, народы Эфиопии получили свой черный цвет кожи, тогда и Африка высохла, вся влага ее испарилась от жары.

Тогда, наконец, поднялась великая богиня Земля и воскликнула громко:

— О, величайший из богов, Зевс-громовержец, неужели должно погибнуть все живое по прихоти мальчика. Прекрати скорей мои муки. Спаси людей, животных и растения!

Услышал Зевс мольбу богини Земли, и тотчас огненная молния—стрела из рук Зевса — полетела прямо в колесницу. Кони оторвались от колесницы. По всему небу разметались осколки колесницы и упряжь коней Гелиоса. А Фаэтон с горящими кудрями пронесся по небу, подобно падающей звезде, и упал в волны реки.

Его тело нимфы подобрали и, похоронив его, написали на белом мраморе:

«Здесь лежит Фаэтон».

Гелиос, увидя возвратившихся коней, догадался о гибели сына. Три дня в слезах и скорби провел он во дворце и три дня были мрак и тьма на земле.

Только на четвертый день он снова взошел на свою колесницу. И все опять пришло в порядок. Так же, как и прежде, сверкающая колесница совершала свой путь, даруя людям свет, тепло и радость.

НАЧЕКУ

Теснее сплотимся вокруг вождей
Непроницаемым строем...
Человек указательный палец воздел
И тихо курок стронул,—
И прямо в сердце ударил запал,
Мгновенно могилу вырыв...
Но Киров не навзничь от пули упал,
На мир опрокинулся Киров.
Раскинув руки, над снежной Невой
Сквозь пашни, леса и болота
Имя траурное его
Ползет как тень самолета.
Темнеют Сумы, чернеют Хорлы,
Избы, мансарды, хоромы...
И в небо поглядывают орлы,
Предчувствуя грохот грома.
И грохот берет начало в цеху,
Прокатом ветров проехав,
Гремит по границам: «Все ль начеку?»
— «Начеку»,—отвечает эхо,
И снова стихнет. Но в облаках
Останутся руки над нами,
Как о прорыве черный плакат,
Как штурма — крапчатое кровью знамя.

Илья Сельвинский.

КИРОВУ

Ни шороха и ни стука —
Убийца дрожит слегка.
Потливая как гадюка
В карман заползла рука.
Убийца — на карауле,
Он гибель с собой привел,
Головка змейная пули
Глядит в вороненый ствол.
Не слышно гадючьего свиста
За грохотом выстрела. И
Окончена жизнь коммуниста
От яда гремучей змеи.
Мы встанем. Одновременно
Как вечный и тягостный сон
Опустятся наши знамена —
Сто тысяч багровых знамен,
Сто тысяч, в боях запыленных,
Над гробом опустятся вновь —
Сегодня на этих знаменах
Товарища Кирова кровь.
Убийца! За выстрелом этим
Ты гибель свою карауль,
На каждую пулю ответим
Не пулей, а тысячью пуль,
Победою нашей огромной,
Кипящей от крови жары,
И каждою новою домной,
Турбинами для Ангары.
Спи, Киров,
Мы будем твоими
Бойцами на веки-веков,
Нести твое славное имя
Дорогою большевиков.

Борис Корнилов

Редакция „Пионера“ готовит специальный номер 2 журнала — биографию С. М. Кирова. Над номером работает бригада писателей: Б. Житков, А. Некрасов, Б. Шатилов и товарищи Сергея Мироновича по подполью и гражданской войне: М. А. Попов, Г. И. Шпилев, Ю. П. Бутягин, М. И. Василенко, П. А. Белоусов, И. Н. Опарин и др. Номер выйдет в январе 1935 года.

Лагерь на Вокше

Повесть Г. Замчалова

Рис. А. Варнавицкой

(Окончание)

ГОЛУБКИ В ХЛЕБЕ

I

Когда Степа пришел домой, в лагерь, было уже светло. Федя не спал. Они долго шептались, склонившись друг к другу с кроватей. Федя при этом делал большие глаза, спокойно говорил: «О-ё-ёй, ты врешь все это!» и каждую секунду кидался искать тетрадку с карандашом.

Через два часа, после того как они уснули, загремел горн. В это утро ни одного «отпетого» в колхоз не пустили. Весь лагерь участвовал в военной игре. Школа-коммуна бывших беспризорников проехала на лодках десять километров, высадила десант и с трех сторон напала на лагерь. Бой с обходами и разведками длился четыре часа. Нападение было отбито.

Степа с Федей воевали с увлечением. Но в перерывах и во время обходов, когда не было прямых стычек с «врагом», они мыслями уносились в колхоз. Как там теперь? Что сделает Федор Иванович после этой ночи? А старичок?.. Вот хитрюга! Интересно, какую новую штуку придумает он со своими помощниками? А Смуров?..

Как ни интересно было сражение с бывшими беспризорниками, а все-таки это была только игра. Там же, в колхозе, происходил настоящий бой с настоящими врагами и опасностями. И ребят все время подмывало сбежать с игрушечного фронта на настоящий.

Перед обедом вернулись с похода. У павильона их поджидал Панька. Волнуясь и через каждые два слова говоря «прямо», он рассказал замечательные вещи. Оказывается, утром, часов в десять, в колхоз приехала из города машина. Через полчаса на гумне арестовали кривого механика. Из второй бригады забрали Якова Славина, Проню Саушева (ванькина отца) и еще двух человек. В правлении арестовали старшего учетчика. Их уже допрашивали в сельсовете и теперь, наверно, увезут в город.

— Вот, видите, а вы еще говорили на моего отца,— вспомнил Панька. — Они, знаете, кто были? Они прямо...

— Да, ладно, знаем без тебя!—перебил его Степа.— Ты лучше про старичка расскажи. Его, ведь тоже забрали?

Панька вытаращил глаза. Ему, видно, тоже до сих пор и в голову не приходило, что добрейший и безобиднейший с виду дедушка Андрей может сделать что-нибудь плохое.

— Его прямо нигде найти не могут. Уже часа два ищут. И Красный пропал, бригадир с гумна. Теперь я знаю: они прямо убежали. Нарочно скрылись, чтобы их не поймали.

Мертвый час в этот день был одним из самых живых и беспокойных часов. Во-первых, теперь еще больше не терпелось услышать горн, умыться, выпить наспех кружку чаю и бежать скорее туда, в сельсовет, в бригады, под старую ель.

Во-вторых, в голову лезли всякие воспоминания и догадки: как старичок приходил на линейку; как он не ответил на федин вопрос, откуда деревенские узнали про горох; как он настраивал колхозных ребят против пионеров; как он заботился, чтобы «кавалеристы» все, что узнают, сообщали только ему или Красному. Эти догадки вызывали раздражение, так как они приходили слишком поздно.

Вдруг оба они одновременно приподнялись на кроватях: ведь слухи про плохой урожай тоже старичок распускал нарочно, чтобы все испугались и бросили работать. Как он тогда под елкой Смурова-то обрабатывал! Значит, теперь все выяснится и... и генеральский хлеб станет как котлета после ужина никому не интересен. Надо сейчас же после чая рассказать о нем. Может быть, еще не поздно будет? Да, но как тогда с миллионами?...

Наконец—горн. Степа с Федей схватили полотенца и побежали под гору умываться.

II

Небольшая лощина в поле сплошь занята народом. Люди пришли из всех бригад и из села. Тут и стари-

Степа встал на телеге и сказал: — Товарищи! Вы говорите, хлеба мало?

ки, и дети, и мужчины, и женщины, и лучшие ударники, и больная инвалидка Антропиха. Поодаль, на бугре, словно охраняя этих занятых людей, стоит машина. Она покрыта пылью. Сквозь пыль поблескивает строгий черный лак.

В самом центре—телега. Возле нее Шоркин, полевод, Дуньки Снеговой мать и двое приезжих. На телеге стоит Федор Иванович без шапки. Ветер поднял его чуб и так держит торчком. Федор Иванович говорит:

— Эти люди остались у нас как мелкие грызуны, которые орудуют главным образом ночью. Они вредили нам потихоньку на каждом шагу, использовали малейшую нашу слабость или ошибку. На словах они

были первые защитники советской власти и колхозов, а на деле...

Степа с Федей протискиваются сквозь толпу поближе к центру. Сейчас самый подходящий момент сказать про хлеб в подвале. Но к чему придраться? Нельзя же так просто, ни с того ни с сего.

— ...Они агитировали против рабочих норм и трудодней. Они, где можно, портили машины и калечили скот. Лошадям они мазали спины смесью керосина с какой-то гадостью. Лошади за полдня работы натирали себе раны и выходили из строя. Последняя махинация у них была с урожаем. Им удалось провести в комиссию своих людей и составить акт, который уменьшал размеры урожая. Этим самым они хотели обмануть государство. Когда мы на это не пошли, они распустили слухи о том, что после хлебозаготовок колхоз останется голодным...

Степа прорвался, наконец, в середину. Он полез на телегу и нечаянно задел ногу Федора Ивановича.

— Что такое?—увидев Степу, Федор Иванович улыбнулся, но сейчас же опять сделал серьезное лицо.— Но товарищи! Надо прямо сказать: виноваты не только они, но и мы сами. Прежде всего руководство, и я как председатель колхоза...

Момент был упущен. Степа в отчаянии обернулся, ища Федю. Его не было. Он оказался снова оттиснутым назад. Надо было обязательно посоветоваться с ним. Степа полез обратно, отыскивать его. Когда, наконец, они посоветовались, Федор Иванович кончил говорить. После него выступил приезжий из города. Потом на телегу неуклюже забрался Смуров. Он поднял руку и мрачно пробасил:

— Это, вот, как ее...

И умолк. Через некоторое время опять поднял руку, но вдруг безнадежно махнул рукой и полез с телеги. Слезая, он неожиданно заговорил:

— Которые честные, сказать, мы вот, колхозники, тоже и мы неправильно. Раньше, бывало, в своем хозяйстве каждый гвоздок, он тебе как палец родной. И опять за всем глядишь, все тебя касаемо. А теперь, сказать, я конюх, а сосед мой неправильно капусту сажает. Мне бы сказать ему, а я молчу. Не мое, мол, дело, на это правление есть. Как так правление? А ты кто такой есть? Ты хозяин всему, ты и ответчик за все. Без догляду нынче еще хуже, потому один навредит, а за него все страдай. Опять понимать надо: где это такое правило есть, чтобы при советской власти в колхозе голодать? Ведь это смех один. А мы...

Смуров запнулся. Тут сразу два голоса, федин и степин, крикнули:

— Постойте, дайте нам сказать!

Боясь, чтобы им не запретили говорить, они поспешно прыгнули на телегу. Федя второпях махнул чересчур далеко, не удержался и полетел на другую сторону. Падая, он зацепился за наклеску, порвал свою тетрадку и пополам разодрал трусы. Кругом засмеялись, а он не мог даже потереть ушибленные места: чтобы не остаться голым, ему надо было обеими руками поддерживать спадавшие трусы. Да еще тетрадь подмышкой. Пока все смотрели на Федю, Степа встал на телеге и сказал:

— Товарищи! Вы говорите, хлеба мало? Думаете, зимой есть нечего будет? (Только что Федор Иванович об'явил, что на трудодень колхозники приблизительно получат по 7—8 килограммов, но Степа не слыхал этого). Ну так вот: у нас в лагере хлеба сколько угодно. На все село хватит. Он еще от генерала. Про этот хлеб никто не знал, а мы нашли. И теперь мы его даром отдаем вам. Выбирайте своих делегатов. Мы хоть сейчас можем отдать.

На Степу смотрели с удивлением и любопытством. Все как-то очень хорошо улыбались ему. В нем что-то шевельнулось, и он добавил:

— Это не мы с Федей. Это все ребята нашего лагеря отдают вам. Все равно он ваш: генерал ведь вас же эксплоатировал.

Но почему-то именно после этих хороших слов доверие к нему сразу пропало. Лица опять сделались серьезными, деловыми. Федор Иванович строго велел ему слезать с телеги. Напрасно он обижался и говорил, что хлеб самый первый сорт, что его на всех хватит,— на него уже никто не обращал внимания.

Наверно так этим бы и кончилось, если бы не один из приезжих. Он отвел Степу с Федей в сторону, долго и подробно расспрашивал обо всем, а потом подозвал полевода.

— Знаете, что? Вы все-таки пойдите-ка с этими ребятами. Возьмите еще кого-нибудь и пойдите. Что-то не похоже, чтобы они врали.

III

В лагере был культдосуг. Ребята играли, танцовали, бегали, читали. Бандура готовила ужин. Дедушка ее возле своего сундучка-избушки чинил бредень.

На аллее показалась процессия: впереди Степа с видом победителя, рядом Федя, обеими руками вцепившийся в трусы, за ними полевод, трое колхозников и целый хвост любопытных ребят.

Игры прекратились, танцы застыли. Бандура выглянула из кухни. Процессия не остановилась как все гости на площадке, а свернула направо. Голова ее зашла за сеновал и там остановилась. К ней подтянулся хвост. Со всех сторон сбежались лагерные. Яму окружило широкое кольцо людей. Степа сказал:

— Вот тут,—и потребовал фонарь и лопатку. Появился фонарь. Лопатка была у Бандуры, но злая повариха не дала ее.

— Нет вам никакой лопатки!—заорала она.—Еще чего выдумаете? Купите себе, тогда и ройте, если надо.

Но ребята все-таки нашли где-то старенькую лопатку и ломик. Степа спрыгнул в яму. Отвалил мусор, камни. Разворотил дыру так, чтобы в нее могли пролезть двое сразу. Приладил лесенку и пригласил:

— Ну кто со мной полезет?

Первыми в черной дыре скрылись полевод и Степа, за ними еще двое колхозников. Некоторое время оттуда слышался спокойный голос Степы:

— Вот сюда, сюда. Да не бойтесь, тут ничего нет. один пол только. Тише, там камни какие-то!

Вдруг кто-то другой там вскрикнул:

— Ой, что это?

Голос был такой испуганный, что над ямой все невольно вздрогнули. Но вслед за этим раздались уже не крики, а вопли:

— Караул, убил!... Стой, стой, держи! Да не лезь ты, парнишка! Ага... О-ой!

Последний колхозник и Костя Шутов кинулись на помощь. Они спрыгнули в яму и сунулись было в дыру, но оттуда закричали:

— Там, там глядите, наверху! Там помещение какое-то налево.

Виктор Павлович, Сережа-физкультурник, Костя с колхозником и толпа ребят хлынули к двери сеновала. Она была заперта на большой замок.

— Где ключ? Сбегайте к повариху, возьмите ключ у нее!

Повариха оказалась сама тут. Она бросила готовить ужин и с самого начала следила за тем, что происходит возле ямы. Услыхав про ключ, она подошла

Беглый бригадир кувыркнулся носом в траву

к Виктору Павловичу с поднятыми кулаками и, тыча ими в нос ему, бешено завизжала:

— Какой еще ключ вам? Какой вам ключ? Прочь отсюдова! Мой сеновал: кого хочу, того и пущу.

Колхозник ломиком поддел щеколду и с треском вытащил пробой. Дверь распахнулась. Из нее выскочил человек. Он побежал за сеновал, в заросли крапивы. Федя узнал в нем Красного. Забыв про трусы, он взмахнул руками и понесся за ним. У самой крапивы он догнал его и бросился ему под ноги. Беглый бригадир кувыркнулся носом в траву. Тут подоспели Сережа-физкультурник с Костей. Они закрутили ему руки назад и завязали их ремнем.

Феде ужасно жгло ноги. Он глянул и увидел, что на нем нет даже намека на трусы. Пришлось еще глубже забраться в жгучую траву и уже оттуда кричать ребятам, просить, чтобы принесли новые трусы. Когда он, наконец, вылез, все тело его было покрыто багровыми пятнами и волдырями.

Красного увели в комнату вожатых. С ним остался Сережа-физкультурник. Виктор Павлович с колхозником и Костей вошли на сеновал. Большую часть его занимал высокий, до потолка, стожок сена. Проход между этим стогом и стеной был закидан соломой. Сейчас она была разворочена. В конце прохода виднелось четырехугольное отверстие. Это был крохотный погребок со стенами, выложенными камнем. В нем стояли две крынки с молоком и один горшочек со сметаной. Больше ничего. Виктор Павлович в недоумении развел руками.

— Никакого хода нет, сюда он не мог вылезть. Крикните им—пусть они осторожнее будут. Там у них, наверное, другой прячется.

Вдруг к его ногам из стены выпал большущий камень. В образовавшуюся дыру вылезла степина голова.

— Как же нет прохода? А это что? Вот сюда он и убежал. Что, поймали его?

Легко отвалили еще два камня и пролезли в следующее отделение. Это был еще не тот подвал, который обнаружили Степа с Федей, а небольшая по сравнению с ним комната. В ней на подставках стояли два мешка с мукой, куча банок с консервами, большой бочонок с маслом и еще другой, побольше, с соленым мясом. Разглядывая их, Виктор Павлович все больше возмущался Бандурой.

— Ах, негодяйка! Ах, подлая женщина, Теперь я понимаю, почему ребята жаловались на плохие обеды и почему она не терпела в кухне Щуры: при ней ей труднее было красть.

Из комнаты через настоящую дверь прошли в подвал с хлебом. Здесь командование снова взял на себя Степа. Легко ориентируясь в этом большом мрачном помещении, слабо освещаемом ручным фонариком, он держался, как хозяин.

— Тише, тише, тут ступеньки у двери. Вот. А теперь сюда. Нет, там ничего нет, там одна стена. Вот, вы нам с Федей не верили, думали, мы врем? Ну, смотрите!

Колхозники первым делом обратили внимание на то, что доски на хлебных шкафах-сусеках были почти новые.

— Как же так? Генералом уж пятнадцать лет не пахнет, а тесины свежие. Что-то тут не так.

— Да где свежие? Что вы слепые? —обиделся Степа.— Посмотрите лучше как следует.

— Это они от фонаря,—спокойно об'яснил подошедший Федя.—Если их на свет вытащить, так они совсем другие.

— Да нет, не похоже, чтобы от фонаря. Вот и хлеб тоже. Разве ему может быть пятнадцать лет? Он бы тут уж сгнил давно. Опять—мало. Для генерала это что же, пустяк, он бы и возиться...

— Мало? Вы говорите, пустяк? — Степа вышел из себя.—Дайте-ка сюда фонарь! Вы, может быть, думаете, что в шкафах только до половины хлеба?

Он встал на выдвинутый ящик и привычным жестом хотел запустить руку в тяжелое зерно. Вдруг фонарь выпал у него из руки, а сам он на целую сажень отпрыгнул от шкафа.

— Там... еще... сидит...

Он не успел досказать—наверху заговорил добродушный, ласковый голос:

— Ты что же испужался? Иль не видал меня? Ах, ты, глупенький!

Со шкафа свесилась нога в лапте, за ней другая. Человек спокойно слез и отряхнулся. Это был старичок. Он, как ни в чем не бывало, продолжал говорить:

— Насчет генерала я тоже так полагаю: навряд ли это его хлеб...

Полевод в первый момент, видно, обалдел от такой наглости. По лицу его пробежало даже нечто вроде улыбки. Потом он сразу нахмурился. Жесткая рука цапнула старичка за шиворот:

— А ты, голубчик, что тут делаешь?

— Что делаю-то? — старичок изобразил наивное удивление.—Гляжу вот, думаю, как и вы. Откуда все это произойти могло?

— Ну, нечего дурака валять. Пошли, товарищи. Все ясно и понятно. Хлеб наш. Как он сюда попал, это мы после разберем. А теперь все выходите. Надо будет составить акт и принять хлеб, как полагается.

Слегка подталкиваемый к выходу, старичок все еще старался шутить и улыбаться, хотя он, наверное, и сам понимал, что теперь это уже глупо.

Когда проходили комнату с консервами и мукой, из погребка ввалился высоченный бандурин дедушка. Он был как помешанный:

— Виктор Павлович! Виктор Павлович! Что же это, неужели же правда... про мою старуху-то?

Ему указали на бочонок и мешки. Он схватился рукой за голову:

— Ах, ты, батюшки! Срам-то какой! Дожил... Виктор Павлович, не знал я этого! Вот с места не сойти, не знал. Десять лет уже как вернулся я с железной дороги и, верите ли, ни сном, ни духом...

IV

Через час приехали из колхоза Федор Иванович, Шоркин, один городской и две подводы. На одной стояли весы, на другой лежал ворох мешков. Стену из погребка в комнату сломали. Мешки с мукой, консервы и бочонок сдали в кладовую завхозу. Перед тем как начали выгружать хлеб из шкафов, пришли Степа с Федей. Степа был задумчив и ничего не говорил. Федя, наоборот, повидимому, совсем потерял свое спокойствие. Он подошел к Федору Ивановичу и потребовал:

— Вы все-таки не забывайте, что это ведь не вы открыли подвал, а мы. Давайте такое условие сделаем: хлеб забираете вы, а если в нем что-нибудь найдется, то это все будет наше, лагерное.

— Идет!—засмеялся Федор Иванович.—Если какой клад, то мы его не тронем, все вам отдадим.

— А смеяться тут нечего,—добавил Федя.—Мы вовсе не про клад думаем. Там у нас свое есть.

Стали насыпать мешки. Их выносили наверх, взвешивали и клали на подводу. Шоркин записывал количество и вес, Федор Иванович с городским составляли акт. Федя напряженно следил за каждым движением колхозников. Иногда он с небывалой расторопностью кидался к какому-нибудь мешку.

— Постойте-ка, постойте! Что это? А-а... Ну ладно, ничего. Давайте дальше. Да скорей вы! Возятся как муравьи.

Степа держал себя странно. Он о чем-то все думал, все время отвлекался, убегал наверх и подолгу пропадал там. Вид у него был такой, как будто он забыл про миллионы и ничуть не интересовался больше Светлым городом. Но Федя не верил ему: он считал, что Степа просто очень ловко притворяется—как старичок; корчит из себя равнодушного, а на самом деле лопается от нетерпения.

Один из колхозников, зачерпнув мерой хлеб, окликнул их:

— Эй, ребята! Глядите-ка, это ваше, наверно?

Федя подпрыгнул как от укуса. Степа остался на месте. Рассмотрели находку. Это была федина записная книжка, которую он когда-то потерял в хлебе. Федя заложил ее подмышку и больше не отходил от шкафа: ему показалось, что за книжкой должны сейчас же открыться и миллионы.

Но миллионы упрямо не хотели вылезать на свет. А вдруг они совсем не появятся? Федя думал, что это будет таким ударом для них обоих, что после этого и жить не стоит. Он старался отгонять такие мысли и еще внимательнее следил за пересыпкой хлеба.

Степа все так же стоял встороне, задумавшись. Вдруг он подошел к Феде и серьезно сказал:

— Федя, я пойду. Там в штабе один Панька остался. Нельзя же так: бросили все и ушли.

— Ты... как?—не понял Федя. — Уйдешь? Сейчас вот? А как же...

— Ну ты посмотришь. Если что найдется, тогда скажешь.

И он ушел. В самом деле ушел. В колхоз. Федя долго смотрел ему вслед, ничего не понимая. Он раз десять раскрывал свою книжку, но в подвале был плохой свет, а карандаша у него совсем не было. Поэтому он снова закрывал ее и клал подмышку. С большим трудом ему удалось придумать об'яснение: Степа струсил. Испугался, что заревет, если не найдутся миллионы, и заранее ушел. Вот хитрый!

Мерки с хлебом опрокидывались в мешки. Мешки выносились на подводы. Подводы отправлялись в колхоз и возвращались обратно. Федя терпеливо ждал. Два шкафа уже были выскреблены дочиста—никакого, даже самого завалящего миллионишка в них не оказалось. Правда, оставалось еще два шкафа. Но вот и в одном из них мерка стала задевать за дно. Федя торопливо начал про себя убеждать кого-то:

— Ничего, брат. Может, как раз в самом последнем и найдется. Это всегда так: сначала ничего не могут найти, а потом оно само находится.

Наконец, колхозники вытерли пот со щек и облегченно вздохнули.

— Все! — сказали они.

Федя выбрался наверх и пошел в лес. Было досадно. Как будто должна была упасть с дерева великолепная груша — и не упала.

Федю очень смущало это. Во всех хороших старых книгах люди в таких случаях разочаровывались, страдали. А он... Вот он с полчаса побродил по лесу, и ему уже захотелось на площадку, к ребятам. Но ведь нельзя же так: Степа, наверно, места себе не находит... Да вот, кстати: как теперь ему сказать об этом? Он, небось, не такой, как некоторые. Для него это будет настоящим ударом.

— Нет! Надо уйти еще дальше. Надо забиться в самую глушь леса и бродить, бродить вдали от людей...

Говоря таким образом, Федя незаметно для себя вышел к «сундучку» Бандуры и дедушки-сторожа. Игрушечное окошко было открыто. Посреди избушки на коленях стоял сам дед. Вокруг него на полу валялась какая-то одежа, горшки, чашки, самовар и еще много домашних вещей. Он перекладывал их с места на место и твердил:

— И это тебе. И это тебе. И это. Все тебе, бери все. И корову возьми. Только уйди ты, ради бога, чтобы глаза мои тебя не видали.

— У-у, пес, вот так пес!—ругалась Бандура.—Куда ты без меня денешься-то? Правда, что взбесился. Ему в могилу пора, а он разводиться вздумал.

— Ничего, как-нибудь и один проживу. А ты ступай, ищи своего барина любезного. Или вон к Андрею Исаичу преклонись. Они этакие же ненавистники, как и ты.

Послушав их, Федя рассеянно пошел дальше и скоро наткнулся на Виктора Павловича с завхозом и Шурой Зубковой. Они рассуждали о том, как теперь быть с кухней, где взять новую повариху. Шура говорила, что нанимать никого не надо: они с Настей и Феней справятся еще лучше чем с Бандурой. Но Виктор Павлович об этом и слышать не хотел.

Пройдя еще немного, Федя как-то нечаянно очутился почти на самой площадке. У волейбольной сетки шел азартный бой. «Как же все-таки я скажу Степе?» подумал Федя. Вдруг возле него упал отлетевший мяч. Он схватил его и крикнул играющим:

— Ребята! У вас не хватает одного. Я стану!

V

Прошло еще много веселых и быстрых дней. В лесу появился желтый лист. Грибов стало так много, что полной корзиной одних белых никто уже не хвастал. Незаметно по утрам все ребята стали обуваться: роса сделалась холодной как лед. А купаться днем было еще тепло. Солнце не хотело сдаваться до конца: оно быстро набирало силу и попрежнему кидало на островок снопы горячих лучей.

Столовую-павильон во время еды нельзя было уз-

—Я и один проживу, а ты ступай, ищи своего барина любезного.

нать. Ни доктору, ни вожатым теперь не надо было стоять и уговаривать: «Тише, ребята, не галдите, не торопитесь, не стучите тарелками». Порядок поддерживался сам собой, без всяких напоминаний.

Меж длинных столов расхаживала в белом халате Шура Зубкова—«хозяюшка». Эта дружеская кличка утвердилась за ней окончательно. С тех пор как Бандуру выгнали, а новой поварихи не нашли, Шура сделалась главным руководом на кухне. После этого в вечерних рапортах исчезла скучная скороговорка: «Едой довольны. Ноги мыли все». Стали говорить с толком: «Еда очень хорошая, вкусная. Порции такие большие, что даже не с'есть. При Бандуре никогда так не было».

Но больше всего эта перемена сказалась на самой Шуре: она стала спокойной и веселой. Теперь ей все удавалось, все у нее выходило хорошо. Как только ребята признали ее авторитет в хозяйстве, девочки сейчас же начали бегать к ней за всякой ерундой: «Шура, вот если такое платье, красиво будет? Шурочка, разве бумажный змей бывает с дом?»

Работать ей приходилось очень много. Кроме кухни она участвовала в одном кружке, упорно занималась по химии и математике—ликвидировала школьные «неуды». И несмотря на это к концу лагерей она так пополнела и разрумянилась, что Степу коробило от одного ее вида: «У, купчиха несчастная! Сама скоро будешь такая же, как Бандура».

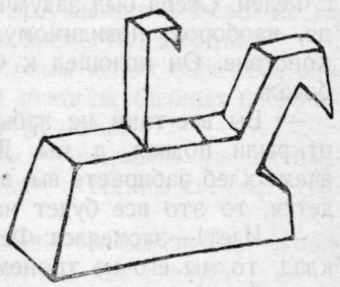
VI

Девятнадцатого августа весь лагерь дружно готовился к прощальному «костру». Ребята собирались показать все, чему они научились за этот месяц: лучшие песни, инсценировки, физкультурные упражнения и технические изобретения. Говорили, что придет много гостей и будут выдавать премии.

В колхозе, на бывшем церковном дворе, тоже готовились к «костру»: разучивали частушки, ходили в строю, пели песни и пускали ракеты. Там было семнадцать ребят: шесть старых пионеров и одиннадцать кандидатов — остатки великой армии «кавалеристов», сколоченной Степой, Федей и Панькой.

Армия эта распалась, как только кончились блестящие похождения, слежка и погони за стригунами. Но те, что остались, показали себя надежными ребятами: они с одинаковым увлечением распевали песни и собирали колоски, обсуждали со Степой законы юных ленинцев и играли с маленькими в яслях, учились у Феди рисовать и читали взрослым газеты во время перерывов.

Отдельно, встороне возились Федот, Семка и Федя. Они придумали для «костра» «боевик»: небывалый бронированный танк, управляемый по радио, с мотором в сто тысяч лошадиных сил. Снаружи танк выглядел вот так:



Это был капот из фанеры, издали похожий на огромный рубанок. «Сто тысяч лошадиных сил» изображал старый мерин, на котором Степа с Федей когда-то катались. Семка садился на него верхом. Сверху на них надевали капот так, чтобы в возвышение спереди вошла голова мерина, а в будочку посредине — Семка. Федя жужжаньем и гуденьем изображал радио, а Федот командовал, т. е. управлял движением танка.

Все шло отлично. Семке с Федотом казалось, что весь лагерь затрясется от страху, когда увидит такую чудовищную машину. Федя должен был бы радоваться больше всех, потому что он первый придумал броню для мерина. Но он был какой-то рассеянный. Вырезая в капоте дырочки для повода, он раз десять останавливался и с беспокойством поглядывал на Степу. Иногда он вдруг начинал говорить нараспев:

— Ка-ак сказать ему? Как сказать? Ведь нельзя же так. Завтра ехать нам, он же спроси-ит... Эх, лучше бы тогда сразу!

Когда все было готово, он раскрыл свою книжку, долго копался в ней, морщил лоб, вздыхал. Наконец, захлопнул и решительно направился к Степе. Как раз в это время Панька «громовым» голосом (он сильно подражал Степе) скомандовал:

— Тройками становись!

Пятнадцать ребят построились. Степа с Федей стали позади всех вдвоем, так как на шестой ряд не хватило человека. Семка остался с танком. Они должны были приехать в лагерь, когда стемнеет.

По селу прошли в строгом порядке, нога в ногу, как настоящие красноармейцы. Никаких разговоров, никаких лишних движений. Только в тех местах, где на улицу выбегали другие ребята, глаза невольно скашивались в их сторону. При выходе в поле Федя нерешительно, вполголоса сказал:

— Степа, я давно хотел... Ты только не волнуйся. Это ведь ерунда все... Там, в этом подвале дурацком... там ничего не было, никаких миллионов.

— Вот тебе на! Чего же мне волноваться?—Степа равнодушно пожал плечами.—Я и раньше знал. Еще когда хлеб не выгружали. Конечно, ерунда. На что они нам сдались, миллионы эти? Если все будут хорошо работать, так у нас и без этого выстроят такие города, получше нашего Свет...

— Разговоры отставить!!—рявкнул вдруг Панька.

Степа послушно замолчал. Ряды на ходу подровнялись. Тридцать шесть босых ног мерно зашлепали по гладкой дороге: раз-два, раз-два...

Мы отвечаем

Чей же это глаз?

В нашем журнале мы помещали вопросы, задачи и загадки. Ребята присылали нам ответы. Часто на один вопрос мы получали самые разнообразные ответы. Например в № 19 мы поместили фотографию глаза и задали вопросы: кому этот глаз принадлежит? Зоркий ли он? Какого роста, приблизительно, хозяин глаза? Что он видел, когда его снимали?

И вот что ответили нам ребята. Бабицкий и Валах из Гомеля пишут:

«Глаз принадлежит хищному зверю — тигру. Хозяин его, приблизительно, меньше метра. Глаз этого хищника очень зоркий. Он видел в аппарате часть своей морды».

А Люся Байдан и Светлана Степанова из Одессы решили, что это глаз зебры. Когда его снимали, он видел пионера!

Интересный ответ прислала Нина Чубарова из Воронежа. Хотя он и неправильный, зато из него мы узнали, что Нина внимательно читает наш журнал. Вот что она пишет:

«Этот глаз принадлежит зверю-гибриду от зебры и лошади, а зовут его зеброид. Глаза у него подслеповатые. Роста он небольшого — метра полтора в длину и метр в высоту. Когда его снимали, то он видел человека, который держал руку вверх, а в руке — палку.

Глаза у меня зоркие, потому что я хожу в очках, а в четыре глаза всегда больше видно чем в два.

С зорким приветом Чубарова Нина».

Необыкновенно «зоркий» глаз оказался у Симы Радостиной (Москва). Такой «зоркий», что увидел на фотографии то, чего там нет.

Вот ее письмо:

«Вы заставили меня глубоко задуматься над этой задачей, и я сидела над ней минут 15, убеждая себя, что это не что другое, как изображен «Воздушный флот». И на ваши вопросы я могу ответить, что глаз его зоркий и в воздухе полет его как птицы. Хозяин глаза — авиатор, и когда его снимали, то человек этот видел только клочок земли.

Сима Радостина».

Ответов много, а правильных нет ни одного. На самом деле это был глаз африканской птицы марабу. Марабу, или зобатый аист,—птица болотная, питается она главным образом падалью и хотя видит хорошо, но особой зоркостью не отличается. Рост марабу—метр, полтора. Вот марабу во весь рост.

Летающий велосипед

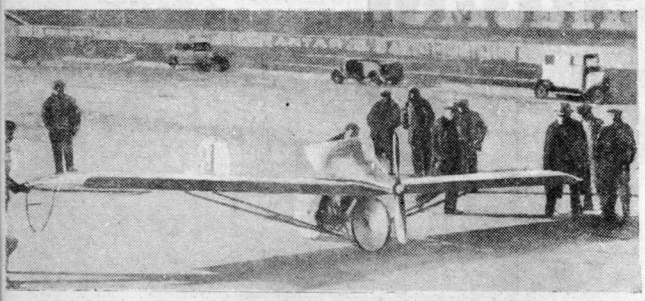
А вот ответы на задачи, помещенные в № 17—18. Вот что пишет нам Игорь Гиша:

«В журнале «Пионер» № 17 — 18 есть задача «Летающий велосипед». Он не летает потому, что крылья у него очень большие по сравнению с самим велосипедом.

Игорь Гиша. 16 октября».

Игорь ошибается, но дело не в этом. Чтобы поднять и продержать в воздухе груз, равный весу человеческого тела, надо преодолеть земное притяжение. Для этого надо затратить большую силу. В самолете эту силу дает мотор, вращающий винт (пропеллер). Винт ввинчивается в воздух и тянет самолет вперед. А встречный воздух, ударяясь в наклонно поставленные крылья, заставляет самолет подниматься.

Планер летает совсем без мотора: его поддерживают восходящие потоки воздуха. Но прежде чем взлететь, планер тоже дол-



жен разогнаться. Его тянут автомобилем до тех пор, пока он не взлетит.

Изобретатель циклоплана хотел об'единить планер с аэропланом. На велосипедных колесах он хотел разогнаться, чтобы взлететь, а потом при помощи пропеллера лететь дальше.

Из этого ничего не вышло, потому что винт слишком слабо тянул циклоплан. У самолета моторы в сотни лошадиных сил, а у циклоплана «мотор» — всего один человек.

Задом наперед

Ответ Быховского на задачу «Задом наперед» № 17—18.

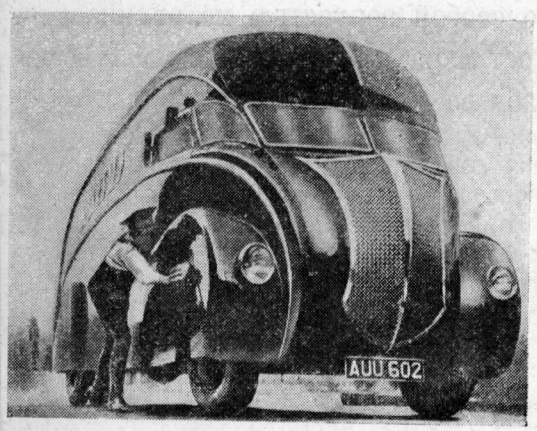
«Обтекаемая форма придана автобусу для того, чтобы было меньшее трение о воздух. Движение автобуса благодаря этому будет быстрее. Кроме этого обтекаемая форма делает внешний вид автомобиля красивым. В задаче есть ошибка: впереди у автомобиля не фонари, а фары.

Юный друг Автодора Л. Быховский».

Это не совсем верно. Дело не в трении, а в сопротивлении воздуха.

Каждое тело, находящееся в спокойном состоянии, испытывает давление со стороны окружающей его среды, причем это давление одинаково со всех сторон. Но как только тело начинает двагаться, давление на отдельные части его сейчас же изменяется. При этом спереди, по направлению движения, окружающая среда (воздух) сгущается, а сзади, за движущимся телом, создается пустое пространство. Это пустое пространство как бы всасывает в себя движущееся тело и сильно тормозит его движение.

Когда люди передвигались медленно, они не обращали внимания на сопротивление (спереди) и подсасывание (сзади) воздуха, но когда появились быстроходные автомобили и самолеты, ученые обратили внимание на работу воздуха, стали наблюдать и изучать ее. И тут выяснилась замечательная вещь. Оказалось, что если сзади к движущемуся предмету приделать толстый «хвост», постепенно суживающийся к концу, подсасывание уменьшится. Это происходит от того, что в этом случае позади движущегося предмета нет пустого пространства, — оно заполняется «хвостом». Такой «хвост» есть, между прочим, у падающей капли. Она вытягивается в сторону, обратную направлению падения, и принимает форму, наиболее удобную для движения.



Когда люди узнали этот замечательный секрет, они стали приделывать к быстро движущимся предметам такие «хвосты», или, как их называют, обтекатели. На самолетах обтекатели давно ставят на колеса, на дверные ручки, на фонари и вообще на все предметы, выступающие над поверхностью фюзеляжа. А сам фюзеляж тоже делают тоньше к заднему концу.

Автомобили делали наоборот: спереди уже и острее, а сзади шире. Делать автомобили по-другому считалось некрасивым. И только в последнее время стали делать обтекатели на автомобилях и самым корпусам автомобилей придавать форму, приближающуюся к форме падающей капли. Поэтому, если бы можно было на обыкновенном автомобиле ехать задом наперед, автомобиль пошел бы несколько быстрее.

ПО ДРЕВНИМ ДОРОГАМ МИРА

Ребята!

Интересно вам читать про открытия новых земель?

Возьмите глобус: весь земной шар перед вами, все или почти все земли и океаны теперь уже открыты! Уже измерена высота почти всех горных вершин на земле, уже измерена глубина почти всех глубин в океане.

Скоро уже никаких новых земель нельзя будет открыть на всем земном шаре. А было когда-то так, что ничего еще не было открыто.

Тогда весь мир для людей ограничивался только теми местами, где они жили и куда они могли доехать.

Когда египтяне, жители Нильской долины, добрались в первый раз до Месопотамии и увидели реку Евфрат, они страшно изумились.

«Смотрите, смотрите, — говорили они,—вот перевернутая вода! Вот вода, которая течет против течения».

Они думали, что во всем мире реки текут как Нил—с юга на север. В те времена никто и не подозревал, что существуют Европа и Азия, что на обширных пространствах, где теперь СССР, Германия, Франция, Англия, живут люди, бродят дикие племена охотников и рыболовов.

Люди были глубоко убеждены, что за пределами той земли, где они обитали, лежат страшные места, населенные чудовищами и злыми демонами.

Как те люди стали открывать новые земли, о их странствиях и путешествиях мы расскажем вам в «Пионере» в будущем году.

Мы расскажем об этих древних путешествиях так, как о них рассказывали сами древние люди. Это будет ряд историй, полных чудес и приключений. Мы назовем их «По древним дорогам мира».

ПОДПИСЫВАЮСЬ И ВАМ СОВЕТУЮ

Я, ученик 7-го класса 37-й школы Октябрьского района, Даниил Туркин, об'являю, что в 1935 г. будет выходить, как и выходил уже 10 лет подряд, очень интересный журнал пионеров и школьников под названием «ПИОНЕР».

Я читаю «Пионера» уже три года и буду читать четвертый, потому что это очень интересный журнал.

Перед тем как подписаться в четвертый раз, я написал в редакцию письмо, спросил, что интересного будет в журнале в 1935 г.

Они мне ответили, что в журнале попрежнему будут печататься приключения необыкновенного звероптерикса (полузверя-полуптицы) Тут-Итама;

что инженер Гидролюбов попрежнему будет рассказывать занимательные истории, которые с ним случались;

что доктор Звеновой не забыл своих обязанностей — лечить болезни пионерских звеньев;

что Аркадий Гайдар, Кассиль, Борис Житков, Б. Шатилов, Г. Замчалов, О. Перовская, С. Злобин, В. Бианки, А. Кожевников и другие писатели дадут в «Пионер» свои лучшие рассказы, повести и очерки.

Очень интересно, например, что в журнал будут писать ученые, которые делают научные опыты. Вот, например, во втором номере будет напечатано про великанов, бывают ли они на самом деле и можно ли вырастить курицу величиной с теленка.

Вообще редакция делает так: напишет ей какой-нибудь читатель вопрос, самый трудный, например: почему горы не бывают в сто километров высоты или еще что-нибудь, — редакция моментально обращается к самому ученому профессору, который изучает горы, и он отвечает.

В общем я за этот журнал. Подписываюсь и вам советую.

Журнал стоит на 12 мес. 7 р. 20 к., на 6 мес.— 3 р. 60 к., на 3 мес.—1 р. 80 к., на 1 мес.—60 к.

С пионерским приветом ДАНИИЛ ТУРКИН

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР. Худ. редактор М. АСКИНАЗИ. Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".

Сдан в набор 15/XI—34 г., подписан к печати 21/XII—34 г. Изд. № 1175 Формат 1 1/2 62 × 94 см. 1/2 б. л. 135 000 п. з. бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—94850 Заказ № 373 Тираж 50 000

Цена 25 коп.

А-250

КРИТСКИЙ БЫК

На острове Крите свирепствовал бешеный бык. «Поймай мне живого критского быка», — повелел Еврисфей Гераклу.

И Геракл встретил бешеное чудовище, накинул на него крепкие путы, пригнул его голову низко к земле и вскочил ему на спину. Долго носил его бешеный бык и, наконец, кинулся в море. Геракл, переплыв на нем море, направил его прямо в Микены, ко дворцу царя Еврисфея. Задрожал Еврисфей, увидев Геракла на спине чудовища.

ЛЕРНЕЙСКАЯ ГИДРА

Страшная гидра обитала в болоте города Лерны. У нее было тело змеи с девятью головами дракона. Целые стада пожирала она на лернейских полях, и нельзя было справиться с ней, потому что одна из голов ее была бессмертна.

«Убей лернейскую гидру», — приказал Еврисфей Гераклу.

В помощь себе Геракл позвал своего друга Иолая. Логово гидры было в пещере, посреди болот. Докрасна раскалил Геракл свои стрелы и стал пускать их в пещеру.

Извиваясь и блестя чешуей, с шипом и свистом выползла гидра из мрака пещеры, и хвост ее обвился вокруг ног Геракла. Геракл стал палицей сбивать головы гидры. Но на месте сбитой головы вырастало тотчас две новых.

Геракл позвал на помощь друга. Иолай зажег дерево и горящим стволом стал прижигать гидре шеи, с которых Геракл сшибал головы. Наконец, слетела бессмертная голова, и гидра рухнула мертвой.

ЛАНЬ АРТЕМИДЫ

Артемида, богиня лесов и охоты, рассердилась на жителей Аркадии и послала им в наказанье свою золоторогую лань с медными ногами.

Лань носилась по аркадским полям и уничтожала все труды земледельцев.

«Достань мне живою аркадскую лань», — повелел Еврисфей Гераклу.

Целый год гонялся Геракл за ланью по горам, через пропасти, через водопады и реки. Наконец, домчались они до земли гипербореев — до края света. Дальше бежать было некуда. Здесь остановилась лань. Хотел схватить ее Геракл, но она выскользнула и помчалась обратно. Снова началась погоня. В отчаянии Геракл натянул тетиву лука. Зазвенела стрела и вонзилась в медную ногу. Тише побежала раненая лань, и Геракл поймал ее.

Богиня Артемида предстала перед ним в страшном гневе:

«Как смел ты ранить мою любимую лань?»

«Не по своей вине преследовал я лань. Я только исполнил волю Еврисфея».

Артемида простила Геракла, и он привел медноногую лань к царю Еврисфею.

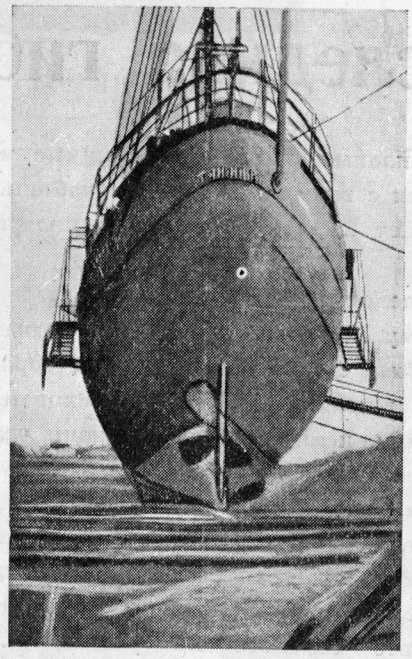
оно посылает туда конным этапом только преступников.

Тогда Александр Сибиряков, умный и энергичный сибирский купец, обращается к шведскому ученому—мореплавателю Норденшельду.

Норденшельда давно интересует Великий морской путь. Шведским и норвежским капиталистам очень важно наладить водный транспорт в Сибирский край. Сибиряков дает деньги на экспедицию Норденшельда, снаряжает на свой счет вспомогательный пароход «Вегу».

Норденшельд плывет по Великому пути *впервые на пароходе*. Но до Берингова пролива в одну навигацию не доплывает. «Вега», парусный пароход Норденшельда, зазимовал в Колючинской губе, близ места, где недавно затонул «Челюскин». Только на другое лето «Вега» входит в Берингов пролив и обходит вокруг Европы и Азии. Это случилось 56 лет назад, в 1878—1879 гг. Норденшельд первым одолел Великий путь в двухгодичное плавание, но не освоил его.

В северные моря вышли ледоколы



Ледокол „Таймыр".

Во время русско-японской войны, в 1904 г., русский флот должен был обогнуть Африку, чтобы попасть в японские воды. Обессиленные трудным и долгим плаванием, русские корабли все погибли в первом же сражении. Тогда, наконец, царское правительство спохватилось. Оно вспомнило про Великий морской путь.

Решено было отправить исследовательскую экспедицию из Владивостока в Архангельск.

Посылали впервые ледоколы. В Петербурге, на Невском заводе, сделали два ледокола: «Таймыр» и «Вайгач», приспособили их для зимовки во льдах. Ледоколы отплыли во Владивосток и с 1910 г. начали свой ледовой поход. Эти славные ледоколы в продолжение пяти лет одолевали Великий путь. Льды мяли их стальные корпуса, ломали шпангоуты, обламывали лопасти винтов. Они возвращались во Владивосток, чинились и снова шли на бой со льдами.

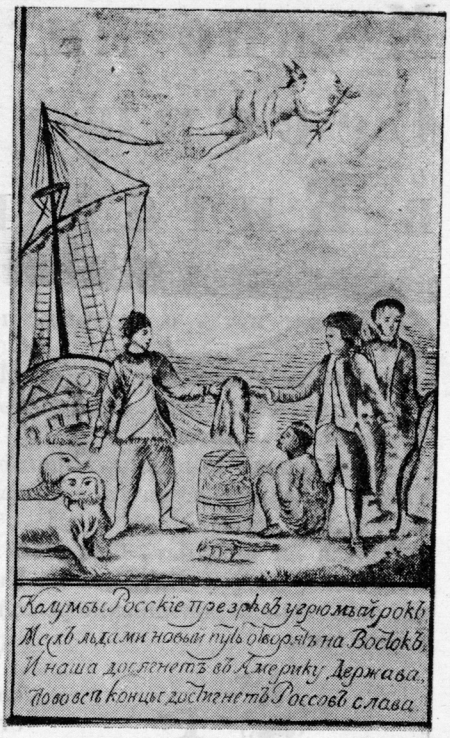
В 1913 г. они открыли Северную землю, в 1914 г. они зазимовали у берегов сурового Таймыра и, наконец, только в 1915 г. пробились-таки в Архангельск.

Впервые на них было установлено радио, и они могли держать связь друг с другом. Только что основанная в 1914 г. радиостанция на острове Диксон помогала им поддерживать сношения с миром во время зимовки.

Великий путь был побежден вторично. «Ледяные торосы победимы! Это вопрос силы и средств, вопрос техники и организации, а не вопрос возможности»,— сказали полярники после похода «Таймыра» и «Вайгача».

Радиостанция на острове Диксон.

Первая карта восточных берегов Ледовитого океана



Отряд северной экспедиции на Камчатке.

Сто лет назад сибирские берега Ледовитого океана еще не были исследованы. Никто не знал ни Таймыра, ни сибирских островов, ни Чукотки, ни Камчатки, ни Аляски. Сто лет исполнится в этом году с тех пор, как первая русская экспедиция начала свою работу — описание берегов от Архангельска до конца Азии. Отряды этой Великой экспедиции работали десять лет. К берегам Таймыра и Чукотки, к устьям великих сибирских рек они добирались и по суше, и по воде, и на оленях, и на собаках, и на казацких, старого образца, самодельных судах — «кочах».

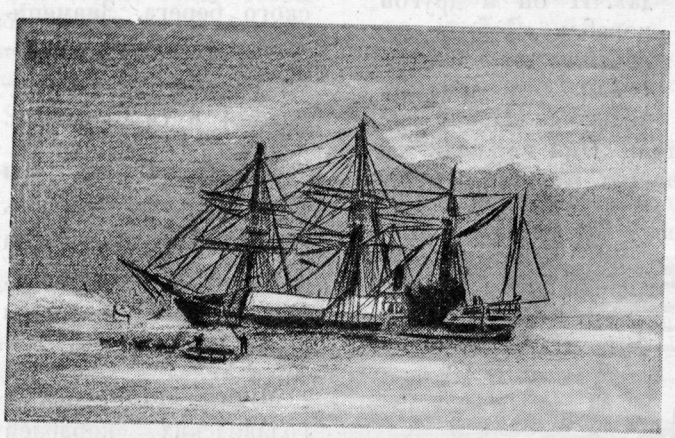
Снаряжение было плохое, техника самая отсталая, продовольствие недоброкачественное.

В 1735 г., при описании берегов от устья Лены до мыса Дежнева, погибли от цынги лейтенант Ласинус и 52 матроса.

В 1736 г., при описании Таймырского полуострова, погиб от цынги капитан Прончищев.

В 1741 г. погиб начальник Великой экспедиции — ученый Беринг — во время исследования побережья Охотского моря. Тот самый Беринг, который первым после Семейки Дежнева, плававшего за 100 лет до него, открыл Берингов пролив.

Свой подвиг люди Великой экспедиции довели до конца: они описали и засняли на карту все восточное побережье Ледовитого океана — почти половину окружности земного шара. По этой карте еще в 1930 г. плавал на «Седове» капитан Воронин.



„Вега“—парусный пароход Норденшельда.

Новая техника девятнадцатого века. Пароход

Огромная страна: все государства Западной Европы уложатся на одной ее половине. Могучие судоходные реки.

Сказочные богатства: лучший в мире лес, золото, ископаемая мамонтовая кость, драгоценная пушнина, рыбные и зверобойные, речные и морские угодья — все пропадает: нет дорог, доступа нет!

Напрасно сибирские купцы просят помощи у русского царя: царское правительство не в силах освоить Сибирь. Оно строит там только каторжные тюрьмы,